

ЭЛЕН БЛИО

Раковая СВАДЬБА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Б У А Е Ш Ь М О Е Й

Элен Блио

Роковая свадьба. Будешь моей

<https://litres.ru/74434729>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Она тебе изменила, Азамат! Она была с Джамалом! Она провела ночь с женихом твоей сестры.

Свадьба с любимым оборачивается скандалом. Его родственники готовы опорочить меня, унижить, обесчестить, выгнать прочь.

Но мой любимый даёт мне шанс.

- Вероника станет моей женой. Уже стала, если ты помнишь. Нас уже расписали в ЗАГСе.

Я была уверена, что его мудрости и мужества хватит, чтобы справиться с этим позором. Но я не учла того, что место рядом с ним для кого-то было слишком дорого.

Нас разлучили, заставив ненавидеть.

Но что делать, если мы не можем забыть?

- Найду тебя если ты жива, я тебя найду. Землю и небо переверну, но ты будешь моей снова

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	32
Глава 6	42
Глава 7	54
Глава 8	62
Глава 9	71
Глава 10	82
Глава 11	88
Глава 12	96
Глава 13	107
Глава 14	113
Глава 15	120
Глава 16	129
Глава 17	138
Глава 18	143
Гл	149
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Элен Блио

Роковая свадьба.

Будешь моей

Глава 1

- Она провела ночь в доме другого мужчины, Азамат! Ты приводишь в наш дом, в наш клан девушку, которая провела ночь в доме другого мужчины! – резкий выкрик тёти моего жениха разносится под сводами огромного зала, где собрались гости.

Воздушное белое платье, которое еще несколько минут назад казалось мне таким прекрасным, чистым, нежным неожиданно становится вульгарным, под презрительными взглядами толпы гостей, пришедших на мою свадьбу.

День, который должен был быть самым счастливым, вдруг превращается в кошмар.

- Она тебе изменила, Азамат! Она была с Джамалом! Она провела ночь с женихом твоей сестры.

Цепенею, переводя взгляд с женщины, которая бросает мне в лицо обвинения, на Ясмину.

Подруга стоит бледная как смерть, пухлые губы бескров-

ные, она перебирает ими, без звучно, но я понимаю то, что она хочет сказать.

- За что?

За что...

Я не виновата. Это... это просто ошибка!

Я ничего плохого не сделала, я...

Я просто хотела помочь...

Вокруг поднимается шум, женщины машут руками, кричат, мужчины качают головами, смотрят презрительно, пока Азамат не выбрасывает вверх руку.

- Тихо! – резкий выкрик заставляет вздрогнуть.

Все разом замолкают. Но в этом безмолвии дышит ненависть, желание наказать, расправиться с тем, кто посмел нарушить их законы, кто посмел пойти поперёк их воли...

- Тихо... - еще раз повторяет мой жених.

Он делает шаг.

Встаёт передо мной, широко расставив ноги.

Высокий, огромный по сравнению со мной. Его плечи загораживают всех.

Его энергетика давит.

Сбивает с ритма сердце.

Пугает.

- Это правда, Вероника?

Тяжелый вздох Азамата, его низкий, тихий голос, заставляют меня вздрогнуть.

Я поднимаю голову, схлёстываясь с ним взглядом.

- Это правда? – чеканит он, а я чувствую, как глаза превращаются в озера слез.

Я не виновата перед ним. Но я ничего не могу с собой поделать.

- Правда. – отвечаю тихо, но чётко, глядя ему в глаза.

Я не могу врать.

И потом... ничего дурного я не сделала.

Я помогла Джамалу, только и всего.

Капля свисающая с ресниц падает вниз.

Словно в замедленной съемке вижу, как она попадает на шёлковую ткань платья оставляя след.

Я не сделала ничего дурного.

Я не блудница.

Я чиста.

Я никогда не лгала тебе.

Поверь мне теперь, прошу! Просто поверь!

Если ты любишь! Если ты меня любишь!

Пожалуйста, поверь!

- Зачем ты ходила туда?

Вижу, как загорается в глубине его зрачков огонь.

Тёмный, безжалостный, дикий.

Джамал был его другом, но они поругались. Поссорились дико. Чуть не поубивали друг друга. И свадьба Джамала и Ясины была под угрозой.

Но Джамал любит Ясю, он так сильно любит её! Он готов

ради неё на всё.

Но я... я не могу сказать, что я делала в его доме.

Это не моя тайна.

Я была уверена, что Азамат не узнает.

Никто не узнает!

Я так хочу, чтобы он мне поверил!

- Вероника... - его голос еще глуше, тише, строже. Его тон меня убивает. – Ника, зачем ты ходила туда?

Я не могу сказать. И молчать не могу. Если я скажу, что это тайна – они поймут. Те, кто стоит здесь, среди гостей. Те, кто может знать. Они пойдут в дом Джамала... Нельзя, чтобы это случилось!

- Ника...

- Я просто... просто зашла к нему, чтобы, чтобы поговорить.

- Поговорить? – уголок его рта дёргается.

- Да.

- О чём?

Сглатываю осторожно, кажется я придумала способ выкрутиться из этой ситуации. Нелепой и такой чудовищной.

- О... о Ясмине. О сестрёнке. Я...

- Ложь, Азамат! Это ложь! Посмотри на неё! Лживая маленькая потаскуха! Я сразу говорила тебе, что не стоит тащить в дом эту дешёвку! Они все такие! Посмотри! Она спуталась с ним, чтобы сделать из тебя посмешище! Джамал ей заплатил! Посмотри в её телефон, в приложение, там наввер-

няка есть деньги! Эта мерзавка специально так сделала!

Тётя Азамата и Ясины вырывается из толпы.

Тараторит быстро. Орёт так громко.

Азамат не успевает её заткнуть.

А потом она неожиданно подскакивает ко мне и хватается за фату, срывая длинную лёгкую ткань с моей головы.

Я успеваю вскрикнуть, закрыться руками, но её толчок чуть не сбивает с ног.

- Тётя стой! – голос Азамата, кажется, разрывает высокие своды зала для торжеств, где мы находимся. – Прекрати немедленно, хала! Хватит!

- Ты кричишь на меня, Азамат? На ту, что тебя вырастила, воспитала? И ты защищаешь эту...

- Хватит я сказал!

Глава 2

- Я сказал, хватит.

Он медленно поворачивается к своей тётё.

В зале такая тишина, что слышно, как льётся шоколад в фонтане.

И стук моего сердца тоже слышен.

Оно гонит вскачь и сбивается с ритма.

- Почему ты говоришь это сейчас, хала? Почему ты говоришь это сейчас, когда я собрал весь наш клан, всех близких и друзей на праздник? Почему сейчас? Почему не тогда, когда мы были одни? Почему?

- Потому что я только сейчас об этом узнала! Вот! – Она высоко поднимает телефон, там какая-то видеозапись. – Посмотри, сынок! Посмотрите все! Она опозорила нас. Горе мне! Горе! За то, что я позволила ей войти в семью, за то...

- Тише, хала Зумрад! Успокойся. Это не ты позволила Веронике войти в нашу семью. Это я позволил. Это, во-первых. А во-вторых... Я своё решение отменять не буду. Вероника станет моей женой. Уже стала, если ты помнишь. Нас уже расписали в ЗАГСе.

- Сынок, Азамат! Но ведь... Но ведь обряда еще не было? А светский брак, что это? – тётя моего любимого пренебрежительно машет рукой. – Это так, ерунда. Его можно отменить. Аннулировать.

Аннулировать?

Я смотрю на неё.

Перевожу взгляд на Азамата.

Его глаза горят.

А я... я вспоминаю как они горели сегодня ночью.

Ночью, когда я стала его женщиной не только на словах,
не только на бумаге.

Этой ночью он сделал меня своей во всех смыслах.

Он был со мной.

Мы были близки.

Он сделал меня женщиной сегодня.

Вчера мы заключили брак в ЗАГСе, светский, как они тут
говорят.

Сегодня мы должны заключить никях, брак по их зако-
нам, по законам веры.

Я знаю, как это важно для Азамата.

Знаю, как важно было для его клана, его семьи.

Для меня это тоже было важно.

Я хотела, чтобы всё было по правилам.

Неужели... неужели сейчас он откажется от меня?

Чувствую, как меня качает.

Голова кружится.

Дышать тяжело, просто не хватает воздуха.

В ушах шум, слышу, как моё бедное сердце начинает

гнать кровь по артериям с немыслимой скоростью, так стремительно, так яростно.

Среди гостей начинается ропот.

Я понимаю, что они поддерживают тётю Зумрад, а я... я тут пария. Если дать им волю...

Вспоминаю историю о девушке, которую опорочили на кавказской свадьбе. Эта неприглядная драма гремела по всей стране - прямо во время свадебного пиршества гостям показали видео, на которых невеста... в общем, были непристойные фото и видео её рта. Это произошло тут же, в городе, в котором мы сейчас, прошло несколько лет, но я наткнулась на сам сюжет не так давно, случайно. Кадры, которые я увидела меня потрясли.

На этой девушке рвали платок, платье, жених схватил её за волосы, выкинул из зала прямо на улицу, где её закидали камнями. Она чудом осталась жива. Тогда. А потом... потом её жизнь превратилась в ад, в какой-то момент она просто устала терпеть. Самое жуткое было в том, что выяснилось – она была невинна, непорочна, ни в чём не виновата.

Как и я.

Я могу сказать Азамату правду сейчас.

Могу подставить невинного человека, чья жизнь на волоске.

Но если он меня по-настоящему любит. Если он выбрал меня для того, чтобы прожить со мной жизнь, неужели он не поверит?

Неужели...

- Ты совершаешь ошибку, Азамат. Откажись от неё. –
твёрдо произносит Зумрад. Уже без той истеричности в го-
лосе. Произносит холодно. Жёстко. Расчётливо.

- Ты предлагаешь мне отказаться от моей жены, хала?

- Она не жена тебе. Перед лицом всевышнего! Не жена!

Ропот становится громче.

Вижу, как гости переговариваются, переглядываются,
кто-то делает шаг.

А затем я слышу выкрики, злобные агрессивные.

- Потаскуха...

- Шармута!

- Отправить её назад!

- Зачем ты позоришься, Азамат!

- Эти девушки должны жить у себя дома!

- Притащил шалаву! Наших бы девочек посмотрел!

- Это тебя бог наказывает за твое поведение!

- Убрать её отсюда!

- Вытащить за волосы!

- Обрить как шармуту!

- Выкинуть!

- Позор!

Движение становится активнее, они приближаются к по-
мосту, на котором мы стоим.

- Ша! – громко выкрикивает мой жених, опять поднимая
руку вверх. – Тихо! Всем молчать! Я сказал!

- Как ты можешь командовать, ты, олень, которого облапошила наглая девка?

- Кто это сказал?

Голос Азамата становится глухим, низким.

Не просто злым.

В нём килотонны ярости.

Таким звуком можно убивать.

Тишина опять накрывает всех.

А меня накрывает паника.

Мне страшно.

Дико страшно, когда я думаю, что сейчас может произойти.

А потом Азамат поворачивается ко мне, и я вижу в его глазах ад...

Глава 3

- Вероника...

Я молчу, просто смотрю на жениха, чувствуя, как по щекам текут слёзы. Сначала их мало, совсем мало, потом... они как снежный ком нарастают, сильнее, сильнее льются, потоком, застилая всё. Моргаю, пытаюсь хоть что-то увидеть сквозь пелену...

- Ника...- его голос глухой, низкий, обманчиво спокойный...

- Ишь, рыдает!

- Слёзы крокодиловы!

- Слезам шлюхи мы не верим!

Слышу резкий удар, словно раскат грома.

Азамат бьёт кулаком по столу.

- Все вон отсюда. Вон!

- Как ты себя ведёшь, Азамат? – голос его тётки плаксивый, горестный. – Что ты делаешь? Что за стыд перед людьми...

- Мне перед людьми стыдится нечего! Я пригласил всех, чтобы они разделили со мной мой праздник.

- Хорош праздник, жениться на такой...

- Что же вас тянет к этим шлюхам?

- Нормальных девочек нет? У меня три дочери!

Азамат снова оглядывает толпу.

- Смелые все? Хорошо...

Неожиданно он делает шаг к стоящему недалеко от него парню из охраны, выхватывает пистолет и несколько раз стреляет в потолок.

Грохот, гром, шум, визг, гам...

Я приседаю, закрыв уши...

Я очень боюсь громких звуков. Я цепенею. Впадаю в панику.

Тихую панику. Замираю. Мне, кажется, проще умереть.

Это со мной с тех пор, как на моих глазах машина сбила родителей и сестру. Выжила только сестра. Нам повезло, нас забрала двоюродная бабушка. Вырастила как родных. Но моя сестра Дарина до сих пор инвалид. А пьяная малолетка, которая управляла той машиной избежала наказания и живёт счастливо.

Нет, нет, не буду вспоминать, не сейчас!

Гости разбегаются в разные стороны, кричат, ругают Азамата, но больше всего достаётся, конечно, мне.

Я принесла несчастье в их дом.

Я грязная.

Я шармута.

Я проститутка.

Я – исчадие ада и зло.

Вспоминаю, как я боялась, что меня не примет его семья.

- Малышка, сестра моя тебя уже приняла и полюбила, вы лучшие подружки, а ближе сестры у меня никого нет. Ха-

ла, тётя, конечно, очень своеобразная. Но она привыкнет. А отец... С отцом мы давно на разных берегах. Его мнение меня мало волнует.

Да, отец Азамата даже не посчитал нужным приехать на свадьбу.

Но Азамат его и не ждал.

А то, что сотворила его тётка Зумрад...

У меня кружится голова. От шума. От визгов.

От всего, что произошло.

Мне плохо.

Плохо, потому что, кажется, я внутренне умираю.

Совсем не так я представляла этот день. Совсем не так.

Я мечтала, что мы с Азаматом будем стоять, глядя друг другу в глаза. В его глазах будет полыхать чёрное пламя страсти. Страсти, которую он готов обрушить на меня. Уже обрушил этой ночью. Как он любил меня! Как ласкал! Как я плавилась под напором его желания. Как отдавалась! Вся... без остатка. До капли...

Как он заполнял меня собой, словно желая войти в мою душу, залезть под кожу. Он и был там. В моей душе. Под кожей.

- Люблю тебя, маленькая, как же я тебя люблю... Скажи, что любишь меня, скажи?

- Люблю, Азамат, ты знаешь, люблю, мой единственный, люблю...

Снова грохот, снова накрывает оцепенение, а потом...

- Ты за всё ответишь, маленькая шлюха, за всё! – как его тётка оказывается рядом – я не могу понять, и что кидает мне в лицо, тоже не могу, только оно сразу начинает гореть огнём.

Паника усиливается, я перепугана до смерти.

Что она сделала, что это?

Что с моим лицом?

Всё горит, обжигает огнём.

Те места, куда попадает порошок. Это перец?

Я не понимаю, что это.

Мне страшно, мне больно!

Хорошо, что я закрыла руками лицо, большая часть попала на руки, но в глаза тоже. И глаза печёт просто невыносимо.

- Ника, что с тобой? Ника? Хала! Твою ж...

Я не понимаю, что кричу. Дико кричу. Кричу от боли, пытаюсь стряхнуть со своей кожи то, что туда попало.

Азамат тоже кричит, ругается на своём языке, который я бы так хотела научиться понимать!

Он пытается заглянуть в моё лицо, убрать мои руки, но я в каком-то аффекте, кричу, плачу, не позволяя ему меня трогать.

- Ника, Ника, что? Что случилось? Хала, что ты сделала? Хала?

- Ничего! Это обычная пудра, ты знаешь! Наша, алхайская

пудра, для проверки! Она не прошла проверку, твоя чистая девочка! Она не чиста!

- Тётя, ты просто... Уйди, уйди с дороги, немедленно! Уйди!

Я уже не кричу.

Перец попал мне в рот, там тоже всё горит. Я могу только стонать... и плакать, в надежде что слезы помогут. Мне кажется, и мои глаза тоже вытекают. Боль невыносимая.

Азамат поднимает меня на руки, несёт куда-то, кричит что-то снова на родном.

Я начала его учить. Ясминка мне помогала. Но я совсем плохо знаю язык. Подруга всегда говорила, что он простой, не сложный. Но для меня просто абракадабра.

Может, это был знак?

Знак, что не стоит связываться с народом, который так разговаривает?

Но что поделать, если я так полюбила...

Я не хотела. Правда.

Сама не думала, что так выйдет.

Я изо всех сил старалась избежать этой любви.

Я со всех ног от него бежала.

Бежала от его чёрных глаз. От его страсти.

Но чем быстрее я бежала от него, тем ближе оказывалась.

Нас тянуло магнитом.

Мы ведь противоположности, которые должны были оттолкнуться! Но нет, мы оказались спаяны вместе.

И сейчас спаяны.

Азамат держит меня на руках, бежит со мной куда-то, сажает в машину, сам прыгает за руль.

- Потерпи, маленькая, потерпи, едем в больницу...

- Дай воды мне, пожалуйста, дай воды...

- Сейчас... чёрт... шайтан, где...

Я ничего не вижу, ориентируюсь по звукам. Он явно ищет в машине, потом пихает мне в руку бутылку.

Я открываю с трудом. Руки дрожат, пальцы дрожат, всё горит. Как же больно!

Больно и страшно.

Что это за перец такой?

О чём говорила Зумрад? Что за пудра?

Выливаю воду на руки. Печет меньше, смываю с пальцев, а потом заливаю воду из бутылки прямо в глаза.

Вскрикиваю и стону, потому что жар только усиливается.

Больно! Это так больно!

И страшно.

Вдруг я ослепну?

Два инвалида в семье, что мы с сестрой будем делать?

Вдруг я... вдруг эта пудра меня изуродует?

С ужасом вспоминаю кадры, фото девушек, которые были облиты кислотой. Это ужасно. Я не хочу так.

Мне очень страшно.

Я не представляла, что моя свадьба может превратиться в такой ужасный кошмар.

И я не понимаю, почему это произошло.

И почему мой любимый не смог меня защитить от этого ужаса?

Глава 4

- Ожог роговицы, вам нужно, чтобы ваша невеста осталась у нас в клинике.

Ожог... боже...

Я ослепну?

Мне уже наплевать на внешность, но слепота?

Как я буду жить? У меня бабушка, ей семьдесят пять скоро. Сестра до сих пор с трудом ходит, да, Дарина работает, но она старается обеспечить себя, а ей нужна постоянная реабилитация! Это и поездки в санатории и массажи, специальная гимнастика в зале, всё это стоит денег.

Я не могу ослепнуть! Как мы будем жить?

Думаю о родных, о самых близких и сердце сбоит.

Боже, как хорошо, что бабушки и сестры не было на этой свадьбе!

Они остались дома, в Москве, они не видели и не слышали этого позора.

Хотя, я представляю, что устроила бы Дарина!

Такой бы скандал закатила!

Тётушке Зумрад мало бы не показалось.

Дарина умеет за себя постоять.

И за меня, конечно.

Сглатываю, сминаю руками платье. Пальцы дрожат.

- Вероника, тебе сейчас сделают процедуры, потом пере-

ведут в палаты. — Азамат тихо повторяет то, что только что объясняла доктор.

- Я ослепла, Азамат, но не оглохла.

- Ты... не ослепла. Это временно. Тебе помогут.

- Я надеюсь.

Мои пальцы сжимают роскошную ткань.

С каким трепетом я выбирала это платье! Я так хотела всем понравиться!

Конечно, Азамату прежде всего. Но и его родне. Его гостям. Тем людям, которых он пригласил на празднование. Их было много. Для церемонии арендовали огромный зал. Он был так красиво украшен! Столы накрыты. Какой-то популярный местный коллектив развлекал гостей — представляли национальные танцы в костюмах. Музыка играла.

Было так красиво!

И я была красивая. В нежном белом платье. С фатой.

Улыбалась себе, глядя в зеркало. Представляла, как увидит меня Азамат.

Я знала, что он меня любит. Знала. Он доказал мне это ночью, когда пришёл ко мне...

Зачем я пошла в дом Джамала! Зачем это всё? Я ведь ничего плохого не сделала, я...

- Вероника... Я... я люблю тебя, я тебе верю. Я буду здесь с тобой, ничего не бойся.

- Азамат...

Протягиваю руки. Я его не вижу, но чувствую. Чувствую

его дыхание. Его сильное тело рядом с собой.

Он обнимает меня, крепко прижимает. Дыхание его тяжелое, быстрое.

- Девочка моя, ничего не бойся, я буду рядом.

Слышу его слова, словно в тумане.

Я верю ему! Мне так хочется ему верить!

- Азамат...

- Я всё сделаю для тебя. Не бойся...

- Спасибо тебе.

- Скажи... зачем ты ходила к Джамалу?

Эти слова мгновенно всё меняют.

Я в шоке.

Он видит, в каком я состоянии! Зачем он спрашивает это сейчас?

Неужели...

Я знаю. Семена ядовитой травы уже посеяны в его душе, в его сердце. Теперь он всё время будет думать об этом. Будет считать, что я могу обмануть. Я знаю как для него важно доверие.

- Разве тебе недостаточно того, что я сказала, Азамат? Ты ведь знаешь, как я люблю Ясмину, твою сестру! Ты знаешь, что я на всё пойду ради неё. Почему ты не веришь мне?

- Я хочу верить...

- Так, молодые люди, заканчиваем. Невесту нужно в процедурный.

- Я отнесу её.

- Мы можем отвезти её на каталке, так будет удобнее.

- Нет. – голос Азамата снова резкий, властный. – Я сказал – нет.

Он опять поднимает меня на руки, прижимает к себе.

Сердце его колотится гулко, быстро. Он большой, сильный. И я так люблю его!

Не думала, что смогу вот так полюбить.

- Азамат, я ничего дурного не сделала, Джамал попросил о помощи, нужна была медсестра. Пожалуйста, поверь...

Он молчит.

Опускает меня на какую-то поверхность. Отходит.

Я сразу чувствую холод. Пытаюсь обнять себя руками.

Почему-то такая безысходность накатывает.

Словно больше никогда не будет его рук.

Я больше никогда не почувствую его тело.

Никогда...

- Азамат... - шепчу тихо, хочу знать, что он тут, хочу, чтобы он держал меня за руку.

Но его нет. Пустота.

Только слышу, как сквозь слой ваты глухой звук удара, и сдавленный крик...

Удар в стену.

Боли не чувствую.

Анестезия. Сердце заморожено.

Чёрт, чёрт, чёрт... Шайта-ан...

Как же всё бесит...

Разгон от рая до ада со скоростью миллион километров в секунду.

И боль опять.

Снова боль.

Почему?

Твою ж мать... Почему?

Я же хотел как лучше! Счастья хотел!

Не заслужил?

После того, что натворил в своей жизни – наверное нет.

Но чтобы... чтобы второй раз в ту же воронку...

Разве так бывает?

Глаза закрываю к стене прислоняясь.

Рычу зверем раненым.

Ты же не такая, Ника! Не такая, я знаю... Чистая девочка!
Маленькая, невинная кроха!

Зачем же...

Плевать!

Да, плевать!

Зачем бы она туда не пошла! Ну ведь не трахаться же с Джамом? Джам, конечно, гнида та еще, но не до такой степени.

Или... до такой?

Нет. Тут другое.

Многоходовка. И я это прекрасно понимаю.

Вероника не понимает.

Маленькая дурочка. Она ведь не знает...

Ничего не знает об Ангеле...

Счастье, что никто не успел ей поведать эту историю.

Нахрена я вообще это всё затеял? Что хотел показать? Что всё равно по-моему будет? Что всё равно я женюсь на той, на которой хочу жениться?

А я хочу...

До дрожи, до боли хочу обладать ею.

С первой секунды.

Как увидел её глаза.

Чистые, как океан у экватора. И улыбку. Нежную...

Пальчиков её касался и внутренне замирал от желания ощутить их на своей коже. На себе.

Смотрел и думал – эту не позволю у себя отнять.

Это счастье не отдам.

Отец не соизволил на свадьбу прийти. Это и ясно.

Но тётя!

Зумрад! Вот кого я недооценил!

Знала, что я не смогу с ней грубо. Вырастила меня, выпестовала. Без неё я был бы никем. Но теперь...

Господи, как она могла?

А главное, кто её надоумил?

Нет, тут к бабке гадалке ходить не надо.

Отец.

Решил вот так?

Измором решил?

Что ж...

Вероника УЖЕ моя жена. И ею и останется. Навсегда.

Чтобы там ни было.

И я её не позволю у себя отнять.

Не позволю забрать.

Никак. Никогда.

Бьюсь затылком о стену легонько. Просто хочу почувствовать себя живым.

Перед глазами моя девочка. Моя невеста. Моя жена.

Вчера в ЗАГСе она была такой красивой!

Там мы были вдвоём.

У нас почему-то это не считается важным событием.

Важное – это никаях.

А светская свадьба – так, ерунда.

Для всех. Но не для меня. И не для Ники.

Я слишком долго жил в столице, имею в виду Москву, чтобы не думать о светских законах.

А Ника моя – русская девочка, которая там выросла, и для неё это самое значимое событие в жизни.

Это важно. Это нужно.

Поэтому и вчера у моей красавицы было свадебное платье. И я был в строгом черном костюме. Как она хотела.

Надел ей колечко на пальчик, поцеловал его.

- Моя.

- Твоя... - шептала трепетно мне на палец золотой обруч

надевая.

А потом я поцеловал её в губы.

Конечно, не в первый раз.

Поцелуи были.

Еще там, в Москве.

Многое было.

Только до самого главного не дошёл, узнав, что она девочка.

- Я думал, таких уже не бывает.

- Бывают, господин Гамзатов.

- Азамат... Меня зовут Азамат... Ты знаешь...

О, шайтан... как же больно!

За неё сейчас больно!

За то что маленькой пришлось всё это вынести!

Я же говорил с тёткой! Я же просил...

Что это за проклятие такое? Что за клеймо на мне позорное?

Что я свою женщину снова не могу защитить!

Почему?

Как?

Тётка со своим выступлением. Кто отправил ей видео? Зачем?

Отец?

Уверен, это была тщательно спланированная акция.

Акция против меня.

Против моей жизни, свободы, любви.

Отец не может смириться с тем, что я не собираюсь заниматься его делами. Что я занял своё место в бизнесе и что я более чем успешен. Да, не без помощи семьи, не без помощи клана.

Но всё-таки я почти всего добился сам.

Не все добиваются.

Мой сводный братец, например, не добился ничего. Хапает папенькины подачки, в свои восемнадцать просто проживает жизнь. Но ему можно. Он никто. Он не наследник.

Наследник я.

Поэтому мне можно испортить жизнь.

Меня можно попытаться заставить плясать под дудку отца.

Он до сих пор так думает.

Что ж...

Может, стоит позволить ему это?

Не воевать в открытую. Не нестись с распахнутым забралом?

Слишком много «не».

Не могу так. Не хочу.

Хочу жить свою жизнь. Со своей женщиной!

Еще один удар затылком в стену.

Ника. Вероника. Моё счастье. Моё солнце. Моя душа.

Только бы не было последствий...

Алхайская пудра! Глупое, наивное суеверие из тёткиного аула! Этой пудрой торгует местная полоумная знахарка.

Всем говорит, что эта пудра помогает узнать, лжёт человек или нет. Помню, как в детстве тётка несколько раз посыпала меня и Джамала этой пудрой. Мы знали, что там перец, цикак. Приправа, которую у нас кидают почти везде и всюду.

Только не в глаза.

Мы в детстве страдали от этой пудры. Но терпели. Зумрад не злоупотребляла, конечно, так, пару раз, для остратки. Мы не должны были издать ни звука! Тогда она нам верила. Мы старались...

Я был уверен, что тётка давно забыла про пудру. Как она могла так поступить с Никой? А со мной?

Только бы всё обошлось Залюблю мою нежную, зацелую. Весь мир к её ногам положу.

Вспоминаю, как вышла сегодня к гостям. Роскошная. Неземная.

Королева моя.

Невинный мой Ангел...

Стоп. Ангел у меня уже был.

Нет. Не буду так.

Женщина моя. Девочка. Богиня моя...

Жена!

Перед людьми и перед всевышним!

Неожиданно осознаю, что никях по итогу не состоялся.

Шайта-ан!

Снова рычу.

Ничего! Всё будет, малышка моя. Всё у нас с тобой будет!

Вижу, как из палаты любимой выходит медсестра, спешит куда-то.

В чём дело? Неужели... неужели всё хуже, чем они думали?

Глаза... пудра с перцем попала в глаза. Что если...

Нет, нет, Ника не может ослепнуть нет!

Но через секунду мне кажется, что ослеп я, потому что в коридоре я вижу знакомую фигуру.

Глава 5

- Что ты тут делаешь, Джамал?

- Тебя забыл спросить.

- Как ты...

Не могу сдержать ярость.

Набрасываюсь, хватая за грудь, прижимая к стене.

- Что ты творишь, объясни, зачем?

- Пусти, Азамат, хуже будет...

- Что хуже? Что? Ты ведь знаешь всё уже? Знаешь... Я тебя братом считал, а ты...

- А я тебе не брат. И не хочу ничего общего иметь с твоей семейкой.

- Что? Ты...

- Ты слышал. Пусти, я за себя не отвечаю!

- Ответишь!

Бью, но в цель не попадаю, Джамал не прост, и боец он хороший. Не даром мы с ним вместе столько лет стояли в спарринге. Блокирует удар, и сам идёт в атаку, но я тоже вовремя ставлю блок, отражая летящий кулак.

Мы цепляемся друг за друга в узком коридоре клиники, начиная драку, кажется, не на жизнь, а на смерть.

Удар, блок, удар, прилёт... Опухшая губа, рассечённая бровь. Всё это молча, рыча, хрипя, с каким-то зверским остервенением.

Ничего не слышу, вижу только его глаза, наполненные ненавистью до краёв.

И мысль бьётся в голове тоненькой венкой – почему, за что, когда мой почти брат стал мне врагом?

- Прекратить! Немедленно, прекратить! – высокий женский голос врывается в наш ад.

Стоим у стены. Чувства в кашу.

Потому что новые мысли догоняют.

Он знал, что так будет! Знал, что было на первой моей свадьбе и знал, что сейчас всё повторится. Почти повторится. Знал! И зачем-то затащил Нику в свой дом.

Она, наивная душа, пошла на это.

Она чистая.

Чистая нежная девочка!

Она не могла...

- Слишком сладкая у тебя невеста, Азамат, слишком... ты даже сам не знаешь...

Не даю ему договорить.

Выпускаю зверя, которого придерживал.

Один удар, другой, третий...

В мясо. Просто в мясо...

Меня отдирают от него. Как по живому отдирают.

Держат двое или трое.

А я...

Я вижу его наглую ухмылку. Слишком наглую. Слишком порочную.

Планка совсем падает, берегов не вижу.

О чём он говорил?

Что он хотел сказать?

Сладкая... я и сам это знаю!

Я пробовал! И я был первым.

Никто не убедит меня в обратном.

Я был первым. И она... она любила меня! Так нежно и трепетно! Отдавалась с такой невиданной чувственностью.

Моя страсть помноженная на её нежность.

Это было чудо.

И она говорила о любви. Шептала. Кричала.

И мой внутренний зверь всё это жрал! Жрал жадно, стараясь хапнуть побольше, стараясь насытиться, словно боясь, что следующую порцию получит не скоро...

- Прекратите немедленно, я вызвала полицию, что вы себе позволяете!

Я смотрю на сухонькую женщину, в медицинской форме, которая посмела повесить на нас голос. Не понимаю, чего она хочет.

- Вон отсюда! Выведите их.

- Я никуда не пойду. – стараюсь придать голосу жёсткость, даже жестокость. – Здесь моя жена!

- Здесь вам не ринг! И если тут ваша жена, подумали бы о ней! Выводите!

- Я сказал, что я никуда не пойду, пока не увижу её.

- Кто его жена? – докторица обращается к перепуганной

юной сестре, которая стоит рядом с какой-то плоской в руках.

- Это та невеста, она в процедурном, перец попал на лицо...

- Невеста? Что же вы, молодой человек, не уследили за своей невестой? Или вы только кулаками махать горазды?

- Как вы со мной разговариваете? Вы в курсе, кто я?

- Да мне плевать кто вы. Это моё отделение. И я тут царь и бог.

- Уверены? Я могу сделать так, что оно перестанет быть вашим.

- Попробуйте. Обломаетесь. Думаете, вы тут один такой шустрый? Вас тут целая республика. Горцы. Называете себя мужчинами, а ведёте... как бабы.

- Что?

- Спокойно. Придите в себя. Приведите себя в порядок. Потом пойдёте к жене. Ей сейчас несладко.

- Что... что с ней?

- Глаза повреждены. Промываем. Там... там вдобавок к перцу была еще какая-то дрянь.

- Какая дрянь? Что это значит?

- Это я у вас должна спросить, почему ко мне привозят счастливую невесту со свадьбы в таком состоянии. Вы же её жених, как я понимаю? Как вы могли допустить то, что она так пострадала? Тоже что ли, драку устроили?

Драку?

Я не понимаю почему эта дама меня отчитывает, а я слушаю её молча, как пацан. Даже кончики ушей загораются, как когда-то в детстве, когда учитель перед всем классом выставлял.

И мне реально стыдно за своё поведение.

Ника в таком состоянии, а я...

Перевожу взгляд на Джамала. Пялится исподлобья. Ядом ненависти поливает. Плевать на него. Просто вычеркнуть и забыть. Он никто для меня. Умер. Всё.

Сестра... сестре я объясню. Она разумная и послушная девочка. Если её бывший женишок так себя ведёт, то может и прекрасно, что он бывший? Ясмина не пойдёт против меня.

- Успокоились? Горцы... - докторша опять произносит это слово с такой нескрываемой иронией и насмешкой, что у меня подгорает.

- Что-то имеете против горцев?

- Много имею. Лучше вам не знать. Но... можете на досуге зайти, послушать. Расскажу. Если успокоились, зайдите во вторую процедурную, вам промоют и обработают раны, потом...

- Мне не надо об...

- Потом... - она не даёт мне сказать, продолжая спокойно, - потом сможете навестить свою невесту. Если она захочет вас видеть после всего. Вернее, слышать, видеть она пока не может.

В смысле – захочет?

Вероника может не захотеть?

Калейдоскопом наваливаются воспоминания об ужасе, который учинила на свадьбе тётя.

Почему я не просчитал этот момент? Почему допустил?

- Дурак ты, Азамат. Кретин... слепой кретин. Ничего не видишь вокруг.

- Закрой рот Джамал, тебя я ещё не слушал...

- Очень жаль, что не слушал. Очень жаль... Не доверяй Терлоеву.

- Что?

- Что слышал...

Джамал выплёвывает эту фразу, поводит плечами, сбрасывая руки охраны, разворачивается и уходит.

А я остаюсь.

Остаюсь с мыслями, которые мне совсем не нравятся.

Больно. Боль уже не острая, но колючая, противная, заставляющая сердце биться быстрее.

Или дело в страхе?

Да, мне страшно.

Хотя доктор уверяла меня, что последствий не будет, зрение восстановится, но глаза есть глаза.

В нас всегда сидит этот иррациональный страх потерять возможность видеть.

Оказаться в темноте.

Те, кто был слеп от рождения не так страшно переживают свою слепоту, потому что у них никогда не было альтернативы.

А те, кто имел зрение и потерял знают, чего именно их лишили.

Я думаю об этом.

Не могу не думать.

А еще... еще я думаю о мужчине, за которого вышла замуж.

Мужчине, который был со мной всю ночь.

Который был рядом. Любил меня, ласкал, сделал своей, присвоил, который обещал всегда оставаться со мной, защищать...

Почему всё это произошло?

Как Азамат это допустил?

Как он мог позволить обойтись так с девушкой, женщиной, которую он выбрал?

Перебираю в памяти события дня.

Вспоминаю, как всё красиво начиналось.

Как меня готовили к церемонии, как надевали на меня платье, как по традиции все женщины подходили, гладили меня, говорили какие-то слова.

Его тётя тогда уже, как мне показалось, вела себя странно.

Подошла быстро.

Взглянула так, что у меня мурашки по спине побежали.

Прищурилась.

Что-то прошептала на своём языке.

Отошла...

Дальше всё продолжалось так же.

Пели песни, пока мне укладывали волосы, рассказывали какие-то истории, и на русском языке, и на своём родном, Ясмина мне переводила.

Ясмина...

Я видела, что она грустит. Но я ничего не стала спрашивать.

Знала же, что она страдает из-за проблем с Джамалом, из-за того, что её брат и её жених поругались...

Джамал. Мне показалось или он сейчас был тут, в клинике?

Я слышала шум в коридоре, кажется, слышала и его голос.

На самом деле Джамал должен тут быть. И я надеюсь, что ему удалось завершить то, что мы начали в его доме. Удалось спасти Софью. Если он пришёл сюда, в клинику, возможно, он смог договориться, положить её сюда, тайно, так, чтобы её не нашли...

Я на это надеюсь.

Я ведь и не представляла, что этот визит, эта история вот так перевернёт мою жизнь!

Я собиралась выйти за любимого. За того, который клялся в верности. Обещал поддерживать, помогать, защищать...

Азамат смотрел на меня так, словно подозревал.

Словно поверил словам Зумрад.

Он не встал на мою сторону.

Он должен был сразу всё остановить. Заткнуть ей рот.

Прекратить этот поток лжи, который вылила на меня его тётка.

Азамат этого не сделал.

Он смотрел на меня и ждал оправданий.

Он не поверил безоговорочно.

Он во мне сомневался.

Если он засомневался один раз, значит ли это, что он будет сомневаться всегда?

И что мне с этим делать?

Я не хочу оправдываться. И я не должна.

Азамат ведь прекрасно меня знает!

Знает, что я не способна на подлость. На измену. На предательство.

Сердце в груди превращается в лёд.

Мне страшно.

Почему-то мне кажется, что всё разваливается. Рассыпается на куски.

То, что вчера еще было таким цельным. Крепким.

Настоящим.

Его любовь.

Его вера в меня.

Почему он так поступил? Почему он засомневался?

Эти вопросы разрывают мне сердце, таранят душу острым, шипастым молотом.

Разбивают вдребезги тот счастливый, хрустальный мир, который я построила.

И как мне с этим жить?

- Вероника... - хриплый голос любимого я узнаю сразу.

В горле спазм.

Не могу ничего ответить.

Пытаюсь проглотить ком, но у меня не получается. И глаза под повязкой снова наливаются слезами.

- Ника...девочка...

Он рядом. Его ладонь накрывает мою.

- Ника, всё будет хорошо, не волнуйся. Я всё сделаю. Всё будет хорошо.

Почему у меня чувство, что хорошо уже не будет?

Глава 6

Смотрю на неё, такую маленькую, беззащитную, в этом роскошном платье, за которое я заплатил немислимые деньги.

Она не знает, сколько это стоило. Она и не должна знать. Ей понравилось.

А я готов весь мир к её ногам.

Только, как я уже понял, весь мир ей не нужен.

Ей вообще ничего не нужно.

Её нельзя купить.

Только любить и заслужить её ответную любовь.

Я люблю. Сам не понимаю, как так получилось, что эта малышка меня покорила, вошла под кожу, проникла в душу.

Это не я присвоил её. Не я застолбил, сделал своей.

Не я.

Это она.

Она сама меня приручила как дикого волка, как горного льва.

И я готов жрать с её рук.

Только бы была возможность оставаться рядом.

Близко.

Врасти в неё, так же как она выросла в меня.

С первого взгляда.

Почти...

Вспоминаю её, такую сосредоточенную, такую деловую.

Никогда не обращал внимание на так называемую «обслужу» - официанток, хостес, администраторов, девочек с ресепшн. Для меня это всегда был персонал, какие-либо отношения с ним кроме рабочих стоило исключить. Я и исключал.

До момента пока эта нежная куколка с огромными глазами и длинными ресницами не возникла рядом.

И как она сначала была удивлена. Как потом испугалась. И как расслабилась, когда поняла, что я не собираюсь жестить за её проступок, в котором она, разумеется, была не виновата...

Ника... Красивая девочка Ника.

Я ведь ушёл, не попросил телефон, не предложил свидание.

Вечером что-то торкнуло, заставило вернуться.

Тогда уже понял – что-то зацепило. Пока, наверное, чисто внешность.

Красивая девочка, которая не отдаёт до конца отчёта своей красоте.

Для неё красота – обыденность. Она к ней привыкла.

И даже к тому, что на неё обращают внимание – привыкла.

Не привыкла только к тому, что крутые горцы не готовы слышать слово «нет»...

Пришлось за ней побегать, но это того стоило.

Сейчас смотрю на неё и меня одновременно раздирает ка-

кая-то немыслимая нежность и в тоже время ярость.

Нежность к ней. Такой невероятной. Такой настоящей. Честной.

Ярость на тех, кто задумал нас разлучить.

Почему она пошла к Джамалу?

Как этот подлец её заманил? И он ли заманил?

И что он сказал про Терлоева?

Зелимхан Терлоев, мой компаньон, глава мощного клана, ему пятьдесят. Крепкий, сильный мужик. У него стабильный бизнес. Он много вкладывает в развитие. С ним приятно работать. Хитрый, но его хитрость нам во благо.

Что с ним может быть не так?

Почему Джамал указал на него?

Почему заронил зерно сомнения?

Джамал!

Я верил ему как брату! Ближе чем брат был! Друг! Сестру за него отдал бы не задумываясь.

А он... он оказывается под мой бизнес копал. Я-то думал, куда мои тендеры утекают? Кто сливает инфу?

Бра-а-ат...

Как не убил его сразу – не знаю.

Ясминка повисла на мне, плакала, умоляла...

- Прошу, Азамат, братик, не трогай его! Он не виноват, он ошибся, прошу!

- Ты не понимаешь, сестра, это бизнес, я деньги не из воздуха беру! Джамал предатель. Он не только меня предал! Он

предал тебя!

- Брат... только не трогай, прошу! Пусть живёт!

- Хорошо. Твоя взяла. Пусть живёт. Только... Только ты за него не выйдешь.

- Азамат!

- Я сказал.

Сестрица с того момента словно потухла. Как будто огонёчек внутри погас. Или еле теплился. Как уголёк. Она помогала Нике с подготовкой к свадьбе. Но делала это словно через силу.

Я надеялся, что это пройдёт. Надеялся...

Пройдёт. Должно пройти.

Надо найти для Ясины достойного. Хорошего богатого парня. Из хорошего клана.

Джамал, как ни крути, и тут особо не вышел. Клан его хоть старый, но бедный, да и говорили про них не самые хорошие вещи.

Я глаза закрывал – Джамал брат!

Оказывается, не нужно было закрывать.

Брат предал брата.

Старая история.

Кабиль и Хабиль...

Каин и Авель...

Предательство и убийство.

Я не стал убивать.

Может быть, напрасно?

Напрасно я просто так отпустил Джамала?

Теперь он вернулся, чтобы отомстить.

Через Веронику.

Знал, что моя родня отреагирует на эту историю.

Знал как отреагирует.

Не пожалел невинное сердце.

Смотрю на Нику, сердце сжимается.

Я должен сказать врачам, чтобы делали всё возможное.

Цена не имеет значения!

Всё!

Бедная моя, любимая...

- Ника...

- Азамат, скажи... Джамал был тут?

Что?

Мгновенно клокочет, бурлит, поднимается ярость. Топит всё.

Сжимаю сильнее пальцы невесты, жены.

- Волнуешься за него? Расскажешь, что было? Зачем ты к нему пошла?

- Я не волнуюсь. И я всё рассказала. Что ты еще хочешь?

- Хочу понять, почему невеста, накануне свадьбы, накануне брачной ночи бежит к другому мужчине. Что он сделал тебе? Чем приворожил?

- Что? Приворожил? Ты сошёл с ума. Я говорю тебе, что я пошла поговорить о Ясмине!

- Ясмина просила тебя?

- Нет, она не знала, я...

- Зачем же ты пошла просить? Чего ты хотела этим добиться?

- Я хотела, чтобы у сестрёнки снова горели глаза. Хотела для неё счастья.

- Для неё счастье – это наш клан. Наш дом. Наша семья. Наше благосостояние. Ясмина знает, на что идёт.

- Знает? То есть... ты выдашь её замуж по твоему желанию, за нелюбимого?

- Кто тебе сказал, что это будет нелюбимый? Я дам ей шанс встретить того, кого она полюбит.

- Она уже полюбила. Ты... ты сейчас действуешь так, как когда-то твой отец.

- Что? Ты...знаешь? – почему-то меня прошибает холодный пот. Я запретил Ясмине говорить. Я не хотел, чтобы Ника узнала об этом до свадьбы.

Я должен был рассказать сам. – Что ты знаешь, Ника?

- Я знаю, что у тебя была невеста и тебе запретили жениться. Разве ты хочешь для своей любимой сестры такой же судьбы?

Задерживаю дыхание...выдыхаю медленно, осторожно...

Вероника не знает всего. Это хорошо.

Но то, что она знает в принципе...

Джамал! Неужели он...

Почему я его не убил?

Рычу... дикая ярость клокочет, просясь наружу.

- Что с тобой, Азамат?

- Всё нормально. Я... я просто хочу, чтобы у тебя всё было хорошо, чтобы ты не испытывала боль. Я не смог тебя защитить, я не могу себе простить эту оплошность.

- Ты... просто будь со мной рядом.

- Я буду... Я буду, родная.

Беру её ладони, подношу к губам, прижимаю...

Никто не разлучит нас. Никто. Никогда...

Но никогда – это очень коварное слово, об этом я узнаю довольно быстро.

- Откройте глаза, не бойтесь, может быть небольшая резь, это нормально.

Моргаю, понимая, что слёзы скапливаются под веками.

Больно, действительно режет словно лезвиями.

Но я должна попытаться.

Получается далеко не сразу. Обидно, что я трушу.

И противно, потому что в голове сразу вспыхивают ярким пламенем слова, сказанные Зумрад.

«Она не чиста»!

Боже, я и подумать не могла, что в двадцать первом веке, во вполне себе современной столице республики, более чем современной, могут сохраняться такие дикие суеверия.

Или не в суеверии дело?

Ей хотелось меня искалечить.

Что было бы, если бы я не успела закрыть лицо?

Что было бы, если бы она плеснула кислотой?

Что вообще могло бы со мной произойти тут?

Почему эти люди так жестоки?

Только потому, что я чужачка?

Но я ведь видела тут немало русских девушек?

Даже в ближайшем окружении Азамата!

Несколько его друзей женаты на девочках из Москвы.

Султан и Тагир, они еще, кажется, двоюродные братья и какая-то дальняя родня моему Азамату. У Османа, ближайшего друга и компаньона тоже жена наполовину русская.

Это я еще не со всеми познакомилась!

Мне казалось, что у меня не будет проблем с его окружением.

Но я недооценила его тётю.

И еще кого-то...

Того, кто выследил меня у дома Джамала. Того, кто так вовремя отправил видео, чтобы меня очернить.

Того, кто сделал всё, чтобы свадьба не состоялась.

- Вероника, посмотрите сюда.

Доктор осматривает меня, рассказывает, что желательно провести еще одно исследование.

- Флюоресцеиновая проба. Я закапаю вам специальный краситель, флюоресцин, потом посмотрю под щелевой лампой с синим фильтром, чтобы выявить повреждения. Это не больно.

- Хорошо.

- Нам лучше вас переодеть, вы, наверное, устали в платье.

Киваю, корсет давно давит, хоть и не сильно утянут, еще мне жарко и неудобно. И неудобно.

Азамат ушёл, ему сказали, что меня не отпустят до утра.

Я одна.

Ну, то есть со мной в палате сестра и доктор.

- Мы выдадим вам больничную рубашку и халат. Сестра поможет переодеться.

- Спасибо большое.

Мне помогают, стягиваю платье с плеч, вспоминаю, с каким трепетом облачалась в него, как это было волнительно, надевать свадебный наряд, зная, что снимет его с меня только муж! Представлять, как он это сделает. Предвкушать ночь, которая будет у нас одна на двоих. Желать этой ночи. Желать его... Мечтать!

И как ужасно проваливаться в ледяную пропасть настоящего.

Платье расстегивает randomная медсестра, которую я не вижу, которую не знаю. Оно падает пышным облаком у моих ступней. Ненужное. Жалкое...

И я такая же ненужная и жалкая.

Куда ушёл Азамат? Почему его нет тут?

Почему рядом никого родного и любимого?

А кого здесь я могу назвать родным? Ясмину?

Она так на меня смотрела! А потом отвернулась...

Яся! Неужели она поверила рассказам тётки? Поверила, что я могу пойти к Джамалу, чтобы... Чтобы делать что-то ужасное. Неприличное? Чтобы предавать?

Ежусь от холода. Натягиваю ситцевую рубашку, байковый халат. Всё такое простое! Сестрица бы сказала – совдеповское. Больничное.

Даже в недешёвой платной клинике куда меня привёз жёних.

Видимо, это неистребимо.

Меня усаживают в кресло, проводят процедуру.

Глаза сильно слезятся.

И сердце тоже слезится.

Впервые за всё время я так мучительно хочу попасть домой!

К маме и папе, которых давно уже нет...

К сестре, которую так люблю, которая всегда готова постоять за меня.

К бабушке... какая она стала старенькая, но еще держится. Только бы не болела сильно!

Доктор приглашает еще одного специалиста, они совещаются.

Предлагают еще раз промыть глаза, на ночь сделать компресс с мазью, и утром по факту решать отпускать меня или нет.

Ночь провожу почти без сна.

Вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю. К утру голова раска-

ляется, потому что последние воспоминания оказываются самыми болезненными.

Никях, который не состоялся.

По здешним правилам и законам я всё еще не жена Азамата.

Брак светский тут признают, конечно, но для всего клана, для сообщества важно, чтобы был совершён именно обряд.

Обряд, которого не было.

Утром меня осматривают во время обхода. Предлагают остаться как минимум до обеда. Мне уже лучше, я вижу, но глаза еще немного печёт.

- Перец перемолот практически в пыль, плюс там явно были еще какие-то инородные тела, что-то добавлено в состав, мы пытаемся понять что. Можете после обеда уехать домой, приезжать только на промывания.

Киваю, чувствуя, что немного охрипла.

В голове шумит.

Доктор предложила уехать домой.

А куда я поеду? К Азамату? А если там его тётка? Разве меня там ждут?

Он даже не позвонил, ничего не сообщил! Негодную, а потом понимаю – куда он позвонит? Телефона у меня с собой нет.

Возможно, он звонил на пост, и мне не передали. Или не ответили ему.

Где он?

Когда он за мной приедет?

Приедет ли?

Дверь открывается.

Вижу я всё ещё плохо, но мне кажется, это Азамат.

Высокий, широкий в плечах мужчина в чёрном.

Он берёт стул, ставит недалеко от моей койки.

- Ну, здравствуй, красивая девочка Вероника. Давай поговорим.

Глава 7

- Здравствуйте.

Я сразу понимаю кто передо мной.

Это не Азамат. Это его отец Булат. Булат Гамзатов.

Один из самых серьёзных людей в республике. Политик, бизнесмен. Нефтяная труба Гамзатовых – так о них говорят.

Правда я знаю, что Булат и Азамат уже очень давно идут разными дорогами.

Мой муж рассказал мне, что отец не принял его взглядов. Что постоянно пытался давить, сделать так, чтобы Азамат действовал по его указке. Жил его головой.

И женился по желанию отца.

Только Азамат давно посмеялся над родительскими установками. Он отделился и стал жить своей жизнью.

И даже стартовый капитал взял не у отца.

Он рассказывал, что отец его матери, Рустам Рустамов продал дом, чтобы дать Азамату денег на открытие дела.

Азамат вложил всё, чуть не прогорел, стараниями отца, но всё-таки победил. Ему друзья помогли. Бизнес быстро пошёл в гору и скоро уже Азамат начал помогать друзьям.

А отец... Я не знаю что там конкретно произошло, но его отец пытался диктовать условия, заставлял Азамата жениться на какой-то девушке, которая была выгодна клану.

Эту историю мой жених как-то опускал. Наверное, не хо-

тел, чтобы я переживала.

Сейчас, пытаясь разглядеть его отца я думаю – жаль, что я не настаивала на откровенном разговоре. Возможно, мне бы это помогло.

- Как ты себя чувствуешь?

- Спасибо, я в порядке.

- Это хорошо, что ты в порядке. Было бы жаль потерять такую красоту.

От его слов холодеет внутри, сосёт под ложечкой.

- Вы мне угрожаете? – набираюсь смелости, почему-то думаю, что терять мне нечего. Хотя мне есть. Та же внешность. Здоровье.

Бабушка. Сестра...

- Что ты, девочка... Почему сразу угрожаю? Сочувствую. Я ведь почти твой родственник.

- Почти? Почему же почти? Свадьба состоялась. Я законная жена Азамата. Мы пока живём в Российской Федерации и по её законам.

- Хорошо законы знаешь? Я тоже неплохо. Да, закон есть. Но закон имеет обратную силу. Светский брак легко можно расторгнуть или аннулировать, - он усмехается, делая неопределённый жест рукой.

- Ваш церковный брак тоже можно аннулировать.

- Церковный... у нас не церкви. Это брак, освящённый волей всевышнего. – Снова усмешка. – Это называется ни-ках, детка.

- Я вам не детка.

- Почему ты мне грубишь? Разве я сказал что-то неприятное тебе?

- А разве нет? Приходите сюда, словно имеете право. Я вас не приглашала. Говорите о том, что мой брак можно расторгнуть. Почему я должна быть с вами вежливой? Я сейчас вызову охрану!

- Никто сюда не войдёт, пока мы с тобой не поговорим.

- Я не хочу с вами разговаривать! – встаю с постели, нажимая кнопку вызова сестры, внутри всё кипит, дрожу, от ярости и страха.

Он ведь может что угодно со мной сделать.

Он сильнее.

Намного сильнее.

А потом... тут, в этой республике он на самом деле царь и бог...

Президенты с ним дружбу водят.

Он не прост, ой как не прост.

А я...

А я очень простая девочка из Москвы. Сирота. Без роду без племени.

- Успокойся и сядь.

- Не надо меня пугать, я пуганая.

- Вижу. Дерзкая. Склонная. С вызовом. Разве такая жена нужна восточному мужчине?

- А какая? Покорная? Тихая? Бессловесная? Которая ста-

ла бы терпеть все его выходки? Ваша жена разве была такой?

- Нет. Первая не была. За что и поплатилась, увы. Её убили.

Вздрагиваю, потому что эта информация для меня новая. И страшная.

Убили? Но ведь Азамат... Он говорил, что она умерла? Разве не так?

- Я не хочу, чтобы мой сын повторил мою судьбу.
- Не хотите? Значит то, что вы решили избавиться от меня, как-то по-другому называется?
- Если бы я хотел избавиться, ты бы даже до республики не доехала.

Его взгляд тяжёлый.

Слишком тяжелый.

Слишком хищный.

Затягивает в омут.

Страшный.

- Мне не нужно тебя убивать. Я не так кровожаден. – он усмехнулся, глядя на меня пристально. – Мне нужно другое.

- Что?

- Мне нужно, чтобы ты сама сделала так, чтобы Азамат от тебя отказался.

Всё очень просто. Азамат не поверит.

И я так и говорю Булату Рамазановичу, надеясь, что он

услышит.

- Он... не поверит. Азамат в это не поверит.

- Поверит. Сыграем на инстинктах. Если он настоящий горец, то...

- Если? То есть, по-вашему...

- Закрой рот. – он перебивает жёстко, неприятно. – Не о чем больше говорить. Сделаешь как я сказал, или...

- Или что? Убьёте меня? – я дрожу, но сдаваться не собираюсь.

- Зачем тебя убивать, такую... красивую. Нет, не убью. – усмехается как-то гадко. – Будешь жить. А твоя сестра – нет. И...кто там еще? Бабушка? Подумай о них, девочка. Подумай, куда ты вляпалась.

Куда я вляпалась... Это точно. Куда? Сколько раз меня предупреждали! Та же сестра предупреждала.

Дарина. Она мне сразу сказала, что опасно связываться с таким мужчиной. Да я и сама это знала. Я ведь отказывала ему. Сколько могла. Только вот...

Таким не отказывают.

А сестра еще изучала его жизнь, семью. Нашла где-то фотографию Булата. Сказала – посмотри, он же зверь, у него глаза звериные, красивый и опасный хищник, такие нас с тобой, травоядных, рвут на куски без зазрения совести.

Я посмеялась над ней, сказала, что она мнительная.

И Азамат совсем не такой как его отец.

Другой.

Я была уверена, что другой.

Я и сейчас уверена.

Азамат настоящий. Сильный, верный, мужественный.

Я не могла противостоять. Я не могла сказать «нет».

Влюбилась...

А сейчас... Сейчас другое «нет», которое я сказать обязана.

- А если я всё-таки скажу вам «нет»?

- Мне не говорят «нет», девочка. Но ты можешь попросить быть первой. Я всё равно вас разведу. Но это будет страшнее. Для тебя.

Он пугает.

И мне страшно.

А еще... а еще внутри меня проснулся какой-то дикий азарт.

Хорошо, допустим! Допустим я сделаю что-то такое... Что-то, из-за чего Азамат мог бы меня бросить. Но что?

Пойти с другим? Сидеть в ресторане? Целоваться? Может даже лежать в постели? Что?

Азамат прекрасно поймёт, что всё это ложь. Что всё это подстроено.

Что я не могла этого совершить.

Поймёт.

И поверит мне.

Он же... поверит?

- Я слышу твои мысли. Вернее, они у тебя на лице написаны. Ты думаешь, что Азамат не поверит?

- Я... я в этом уверена.

- Что ж, хорошо, малыш, я тебя услышал.

- Я не малыш вам! – меня бесила его манера разговаривать, бесила его манера смотреть, всё в нём бесило. Если бы он не был отцом Азамата, и я чувствовала бы себя лучше я бы его ударила.

- Я тебя услышал. – повторяет он спокойно и безжалостно.
– И не стоит перебивать старших. И мужчин. Не стоит!

Он чуть повысил тон, увидев, что я снова собираюсь ему перечить.

- Давай так. Если Азамат поверит тебе, то я умою руки. Так, кажется, было в вашей Библии?

Булат словно нарочно чуть выставляет ладони, так что сильные, крепкие запястья становятся видны, и манжеты рубашки с запонками, в которых сверкают черные бриллианты. Я не разбираюсь в камнях, но понимаю, что это могут быть только бриллианты в белом золоте или в платине.

Он показательно жестикулирует, словно моет руки под водой.

Умывает.

Если Азамат не поверит.

- И вы оставите нас в покое?

- Нет. Просто уберу тебя.

- Что?

Сердце колотится как сумасшедшее. Я устала от его визита. Я устала от его присутствия. Мне страшно. Я цепенею. Я дышать не могу.

- Уходите...

- Успокойся.

- Убирайтесь отсюда!

- Не кричи, тебе вредно кричать.

- Если он поверит, я оставлю вас в покое. Сам решу вопрос.

- Какой вопрос? – я уже ничего не понимаю, что он хочет от нас?

- Тебе не обязательно знать. Ты только должна знать, что поставлено на кон.

- Что?

- Жизнь.

- Вы просто чудовище.

- А если я тебе скажу, что это жизнь Азамата?

- Что?

Глава 8

Жизнь?

Жизнь... я думаю об этом теперь постоянно. Гамзатов старший ушёл, а меня еще продолжает трясти.

Жизнь.

Жизнь любимого человека!

Он серьёзно?

Господи, ну почему всё так? Почему?

Почему в нашей с Азаматом истории всё оказалось так сложно?

Нет, я знала, что так будет. Я всё знала.

С того самого момента как я его увидела, знала.

Я ведь сразу так и подумала. Остановись, Ника, остановись!

Я боялась его глаз. С того самого первого раза.

С того дня как увидела.

Сначала боялась.

За несколько месяцев до основных событий...

Сегодня у меня дневная смена. Я работаю официанткой в небольшом кафе, недалеко от колледжа. Мне удобно. И хозяйке тоже Она всегда берет персонал из числа студентов, строит график так, чтобы мы могли успевать на пары и сме-

нять друг друга. Говорит, что сама была студенткой и так же подрабатывала в кафе. И там встретила своего мужа, который потом подарил ей это кафе, которое она превратила в уютный ресторан с хорошей кухней и демократичными ценами.

А еще у нас вкусный кофе. Хозяйка сама занимается поставками зёрен из Колумбии, там плантация у её друга.

Для меня это всё, конечно, из разряда фантастики.

Сеть ресторанов, подаренных мужем, яхта, друг, у которого своя плантация!

Нет, я не мечтаю о таком, конечно. Мои мечты более приземлённые.

Закончить сначала колледж, потом поступить в институт.

Я учусь сейчас на медицинскую сестру, но о институте медицинском уже не мечтаю.

Раньше хотела быть врачом, сейчас понимаю, что для меня это просто утопия. На бюджет я вряд ли смогу попасть, как ни крутись, а на платное... Это мне надо заложить душу дьяволу.

Да и, честно говоря, я немного остыла к медицине. Учёба в колледже прилично отрезвляет.

Да, я уже многое знаю, умею. И понимаю – нет, это не моё.

Может, поэтому я и подрабатывать пошла не санитаркой и сестрой, как многие наши, а официанткой?

Мне так проще. Не легче, а именно проще.

Считаю, что уже понемногу начала менять свою судьбу.

Ставить мозги на место. Пытаться нащупать, чего бы я хотела? Чем хочу заниматься в будущем?

Конечно, я не планирую всю жизнь носить подносы и делать кофе. А вот открыть какое-то кафе со своей изюминкой? Наверное, можно было бы.

- Ника, четвёртый столик, лавандовый раф и меренговый рулетик.

- Да, иду...

Лавандовый раф?

Как интересно.

Смотрю на спину сидящего за столиком мужчины и чуть не прыскаю от смеха. Он такой огромный, просто реально нереальный! Таких широких плеч я, наверное, и не видела никогда. И он заказал лавандовый раф и меренговый рулет?

Боже, куда катится мир!

В моём представлении такие мужики должны пить четвёрной эспрессо, густой, чтобы ложка в нём стояла – ну, я утрирую, конечно, и заказывать шашлык. Только шашлык!

Он же горец, кавказец?

Ну, судя по черным как смоль волосам, скорее всего да, лица я его не вижу, может и ошибаюсь. Но эти плечи и руки!

О! Я подхожу ближе и уже вижу его бицепсы, пусть и скрытые под ладно скроенным пиджаком.

Определённо, ему нужен белок! Он должен есть только мясо!

Какой ему меренговый рулет? У него явно должна быть

супер-пупер белковая диета! Один чистый белок.

Усмехаюсь, и замечаю быстрый взгляд коллеги, Алины.

В чем дело? Что?

Округляю глаза кивая ей вопросительно, но она головой качает.

Что не так, не понимаю.

Подхожу к столику. Теперь я вижу его лицо, половину лица – он смотрит в окно за которым сегодня бешеная весенняя метель.

Хочется поёжиться, а ведь уже было так тепло! В кофточках ходили! И снова-здорово. Хорошо, я не убрала пуховик и угги!

Посетитель на самом деле явно с Кавказа. Довольно молодой и симпатичный. Они все симпатичные. Ну, почти.

Красавчики, которые разбивают сердца бедным русским девочкам. Ахах! Сколько я таких историй слышала.

Клянутся в любви до гроба, и у каждого на родине в ауле сидит невеста или даже жена.

Хорошо, что у меня иммунитет против черных глаз!

Думала я, пока не увидела его глаза.

И испугалась.

Не знаю почему.

Стою, смотрю на него и чувствую, как сжимается сердце.

Он смотрит в упор. Просто смотрит. Его лицо не выражает никаких эмоций.

Оглядывает меня. Мой поднос, на котором его заказ.

Снова вливается взглядом в моё лицо.

- Добрый день. Ваш заказ.

Он молчит.

Смотрит как я ставлю красивую кружку с рафом, тарелочку с рулетом.

- Приятного аппетита.

Улыбаюсь так, что скулы сводит. А он даже спасибо не скажет! Пялится на свой заказ как не родной. Как будто я ему не чашку кофе принесла, а кружку Эсмарха и буду клизму делать!

Не понимаю, что ему не так.

Пожимаю плечами и уже собираюсь уйти, как широкоплечий клиент решает подать голос.

Весьма грозный голос.

- Это что?

Грозный.

И мне страшновато. Но я борюсь со страхами, поэтому отвечаю спокойно.

- Ваш заказ, думаю.

- Мой заказ?

- Ну да, лавандовый раф, очень вкусный, у нас натуральный сироп используется и соцветия лаванды, думаю, вы знаете, если заказали.

- Я заказал?

Боже, ну не я же! Хочется закатить глаза, но в нашем за-

ведении так не принято, мы мега клиентоориентированы!

Поэтому я улыбаюсь.

- Думаю, вы. Не стесняйтесь, у нас многие мужчины заказывают лавандовый раф.

- Что?

Он еще и по-русски плохо понимает? Хотя говорит без явного акцента.

И смотрит. Снова на меня. Снова так же непроницаемо.

Сердце опять сжимается в кулачок.

Почему он так смотрит.

С ног до головы меня оглядывает.

Нет, не раздевает взглядом. Это... это как-то иначе.

- Лавандовый раф. Меренговый рулет. Всё очень вкусно. У нас колумбийский кофе, практически с собственной плантации и рулет мы готовим сами.

- Вы готовите? – Как он умудряется оставаться таким бесстрастным? У меня на лице, уверена, уже миллион оттенков эмоций отразилось, а он...

Кремень!

- Я официантка. Я только принимаю и разношу заказы.

- Но мой заказ вы не принимали.

- Нет, его приняла моя коллега Алина, мы работаем вместе.

Он усмехается.

И тут до меня начинает доходить.

Это не его заказ.

Этот кавказский мужлан не заказывал никакой лавандовый раф.

Это ошибка. Или не ошибка. Меня... меня просто подставили! Девчонки решили надо мной поглумиться.

О, боги... и что мне делать?

- Простите, я...

- Значит, вы говорите, это вкусно?

Теперь и горец понял, что надо мной постебались. Его губы дрогнули, бровь чуть поползла вверх.

- Извините, если это не ваш заказ я сейчас всё поменяю. У нас очень редко бывают накладки. Надеюсь, мы не сильно вас задержали.

Я собираюсь повернуться и уйти, краснею как помидор. Бесит это моё свойство. Покрываться диким румянцем сразу.

Ну, Алина! Я её убью!

- Стойте.

Он говорит и одновременно хватает меня за запястье, весьма грубо нарушая личные границы.

Сердце снова заходится.

Поворачиваюсь и тону в его чёрных глазах.

- Значит, вы говорите, это очень вкусно? Лавандовый раф? И... рулет? Какой он?

- Меренговый.

- А это из чего? Это же не мясо?

Не могу сдержать улыбку.

- Конечно нет, это меренга... меренги... взбитый яичный белок, с сахаром, там еще малина, крем-чиз, по-моему...

- Крем чиз? Это с сыром?

- Там не сыр, это такой... такой крем, сливочная масса. – теряюсь, не зная, как объяснить, сама не понимаю почему это называют английским словом «чиз» - сыр. Это же совсем не сыр!

- Что ж... вы так вкусно рассказываете. Невозможно устоять.

Он так это говорит!

ТАК!

Я теряюсь. Потому что ни один мужчина не говорил со мной так.

И не смотрел так.

Краснею, кажется, с макушки до самых пяток. Красные пятна плывут по коже, я их чувствую.

А он усмехается.

Еще я спиной ощущаю стоящих у подсобки коллег.

Алина – зараза, которая решила меня подставить. Костик – бариста, точно в деле с ней, потому что он делал этот несчастный раф, еще Ольга Сергеевна, наш администратор.

Главное, я не понимаю, зачем они меня вот так вот подставили? Я не первый день работаю, даже не первую неделю! И что это?

- Попробуйте, уверена, вам понравится. Если нет – заменю вам заказ за счёт заведения.

Говорю и поворачиваюсь к коллегам. Что, съели? За счёт заведения! Это значит, бабло раскидают между всеми. Все оплатите раф этого горца. Или эспresso.

- У меня встречное предложение.

Что? Поворачиваюсь к красивому кавказцу, чувствую, как от взгляда дрожь пробирает.

- Вы выпьете раф вместе со мной, и съедите такой же рулет. Я угощаю.

Вот это поворотик...

Смотрю на коллег снова, моргаю раз, два, три... А, собственно, почему бы и нет? Да, нам нельзя садиться за стол с клиентами.

Но если клиент просит так!

- Одну минуту.

Подхожу к стойке. Говорю спокойно.

- Повторите заказ, клиент угощает.

Съели?

Глава 9

Демонстративно сажусь за столик, напротив этих Кавказских гор.

Он красивый.

Очень красивый.

Такая звериная, мужская статья настоящего самца.

Думаю так и краснею, потому что кажется он читает мои мысли.

- Значит, лавандовый раф. Почему лавандовый?

- Потому что добавки из лаванды. Соцветия, или сироп.

Или и то и другое.

- В чём разница, Вероника?

Вскидываю глаза, чувствуя новый прилив алого к щекам.

А он стучит пальцем по своей груди и усмехается.

Боже, бейджик, конечно. Он прочитал моё имя.

- Разница в том, что соцветия натуральные. Их добавляют в кофе при варке. И потом в виде декора на пенку. А есть раф с сиропом.

- С сиропом хуже?

- Сироп не натуральный.

- Ясно, интересно.

- Могу еще рассказать откуда появился кофе - раф. Интересно?

- Расскажи, откуда ты такая появилась тут. Это интересно.

- Что? Простите, но мы на «ты» не переходили.

- Извини. Давай перейдём, в чём проблема?

- Проблема в том, что я с незнакомыми мужчинами на «ты» не перехожу. Извините, мне не нужно было садиться с вами.

- Успокойся. Сиди. Посиди, пожалуйста. Я устал, голова болит. Просто побудь рядом.

Его слова как-то обезоруживают.

Я не могу встать и уйти.

Алина подходит с подносом. Ставит передо мной стакан с рафом и блюдечко с рулетом.

Горец смотрит на меня, поднимает свой раф.

- За тебя, красивая девочка Вероника.

- Вы сказали, у вас голова болит, может. Вам не стоит пить кофе?

- Может и не стоит. Был долгий перелёт. Я вымотан. Встреча сорвалась.

- Вам нужно измерить давление. Хотите, я могу.

- Давление? – он усмехается. – Мне тридцать лет, какое давление.

- Простите, но сейчас гипертония сильно помолодела. Стрессы.

- Ты что, врач?

- Нет. Учусь на медицинскую сестру. Так что, будем мерить давление.

Он усмехается, а я вижу складочку на лбу. Морщинка гор-

деца. И глаза у него уставшие. Он на самом деле вымотан.

- Кому рассказать... Надо мной вся республика угорать будет. Захотел с девушкой познакомиться, а она давление предложила померить.

- Вас волнует чьё-то мнение? – не знаю, почему так говорю, видимо, меня просто несёт куда-то.

- Меня? – он задумывается. – Например, твоё. Волнует.

- Если волнует, то я бы плевала на всё и измерила бы давление. Тонометр у нас есть.

- Ну, давай. Попробуй. Ника.

Он так смотрит, словно одновременно раздевает и облизывает взглядом. И не только взглядом. Со мной такого никогда не было. Вернее, попытки были. Попытки, которые я жестоко пресекала.

Но с ним...

- Хорошо.

Сглатываю, встаю.

- Меня зовут Азамат.

- Очень... приятно.

Снова усмешка.

Понимает, что я его боюсь. А я боюсь. Потому что он большой, сильный, властный.

А я официантка. Никто.

Иду быстрым шагом в подсобку. Тонометр у нас и правда есть, потому что, как ни странно, в кофейню приходят люди разные. Некоторые заказывают эспрессо, а потом у них ги-

пертонический криз. Или просят кофе – де каф. А потом жалуются, что у них поднялось давление, хотя не должно было. У нас на самом деле хороший де каф и кофеина там нет. Но давление поднимается не только из-за кофеина.

Алина тормозит меня на выходе.

- И что это значит?

- Это я у тебя должна спросить. Подружка, значит?

- Ник, ну... мы все через это прошли. Это просто приколы.

- Прикол? Огромный кавказец и лавандовый раф – приколы? А если бы он меня убил?

- Вижу, не убил. – хитро хмыкает коллега. – Я даже позавидовала, надо было самой нести заказ.

- Ну и несла бы. Извини, он меня ждёт.

- С тонометром? Господи, Воскресенская, ему минет нужен, а не тонометр.

- Что? – вспыхиваю, просто багровею от ярости. – Иди ты...

- Я там была, там одной ску-учно!

- Дура.

- Я тебе серьёзно говорю, ему от тебя другое надо.

- Отвали.

Выхожу в зал, горец сразу считывает моё состояние.

- Что-то случилось?

- Всё в порядке, положите руку на стол, я расстегну? Нужно закатать рукав.

- Боюсь, это нереально.

Да, рукав довольно узкий.

- Тогда наоборот, опустим.

- Это не больно?

- Как комарик укусит. – шучу, усмехаясь, так обычно детям говорят на уколы. Врут.

Он усмехается тоже.

- Красивая, когда злишься, и когда улыбаешься.

- Помолчите, и не двигайтесь, дышите ровно.

Две минуты. Качаю небольшую грушу, манжет натягивается, липучка хрустит. Набираю до двухсот, начинаю выпускать воздух. Сто девяносто, сто восемьдесят. Сто семьдесят... Ого! Сто семьдесят на сто! Какой ему раф!

- У вас давление высокое, вам бы к доктору.

- Ну, ты же доктор, может, проводишь меня домой? Подлечишь?

- Что?

Голос у него такой... тихий, но тяжёлый. Сразу всё ясно.

Ему действительно нужен не тонометр.

- Я не доктор. Я медсестра и студентка. А вам надо «скорую» вызывать. Или хотя бы таблетку от давления выпить.

- А как же этот твой... лавандовый раф?

- Нельзя. Там кофеин. Я могу принести зелёный чай.

- Неси, фея, из твоих рук, хоть яд.

Он усмехается.

А я жалею... зачем всё это? Зачем я согласилась сесть, зачем пристала с давлением. Какое моё дело?

Беру его чашку с рафом, уношу. Слышу, как у него вибрирует телефон. Он хватает трубку, морщится, оскал почти звериный. Встаёт.

Говорит не по-русски, тихо, но так грубо, зло... встаёт, подходит к двери и...

Падает, как подкошенный.

«Скорая» приезжает быстро, меня трясёт.

Я объясняю фельдшеру, мол, жаловался на головную боль, измерила давление, кофе не пил, был какой-то тяжёлый разговор.

К тому времени мой кавказец уже пришёл в себя. Не очень доволен, что его врачи осматривают, еще и вопросы задают неудобные. Что принимал.

- Они обязаны спросить, - тихо пытаюсь унять его психи я. – Им же вам помочь надо.

- Охрененная помощь, - сквозь зубы отвечает он. – Нет, ни в какую клинику я не поеду. Меня сейчас заберут. – это уже фельдшеру.

Та пожимает плечами, почему-то мне выдаёт рекомендации.

Я-то тут причём?

Но я спокойно пересказываю всё ему. Не нервничать, не волноваться, посетить кардиолога, следить за давлением, не принимать ничего...

- Я ничего не принимал. — снова сквозь зубы мне.

- Я вам верю, я просто передаю...

- Чёрт... раскалывается голова, никогда такого не было.

Дверь распахивается, в кафе влетает Ясмина. Я её знаю, она наша постоянная клиентка, учится тут рядом в университете. Мы с ней подружились, она не могла какое-то задание по биологии сделать, я ей помогла. Ясмина ещё удивилась, откуда я биологию знаю. Разговорились. Оказалось, что она учится на психолога, и одна из преподавательниц сильно топтит за биологию, которой, к слову, даже нет в программе.

- Азамат!

Ясмина бросается к моему горцу, обнимает, потом смотрит на меня, а я почему-то сильно краснею.

Это её парень? Её жених? Она говорила, что у неё есть жених в республике, собирается приехать к ней. Неужели он...

Почему-то я чувствую разочарование. Сама не знаю, что со мной.

Нет, знаю.

Он мне понравился. И мне показалось, что я ему тоже. Он ведь флиртовал, разве нет?

Нет, я понимаю, что между нами ничего не может быть. Это очевидно. Сразу. Кто я и кто он? По нему сразу видно, что он очень не простой. А я... по мне тоже видно, что я простая. Поэтому...

И всё же разочарование давит и выжимает воздух из лёгких.

- Привет, Ника, - Ясмина обращает на меня внимание, - Что случилось? Как он упал?

- Сознание потерял, давление высокое, думаю еще переутомление и недостаток магния.

- Ох, боже... Азамат, ну что ты творишь, братик? Почему так пугаешь? Почему ты вообще здесь? Надо было домой ехать сразу.

- Ты хотела со мной встретиться тут, сестрёнка, я приехал. Такое ощущение, что это «сестрёнка» он сказал для меня. Чтобы я поняла, что Ясмина не его девушка! Ох, еще сильнее краснею.

- Прости, меня препод задержал после пары, и я даже написать тебе не могла, он меня убил бы, если бы я телефон взяла.

- Попробовал бы. Ладно, поехали, дома поговорим.

- Куда поехали? Ты не сядешь за руль в таком состоянии, сейчас водитель приедет.

- Машину ты мне предлагаешь тут бросить?

- Он потом заберёт, или ты сам. Может, поедem к доктору сразу?

- Не надо мне ни к какому доктору, Ясь... Устал просто, перелёт, джетлаг...

Они говорят, а я зачем-то торчу рядом. Смотрю заворожённо, не могу оторваться.

Братик. Сестрёнка...

Яся мне рассказывала о том, что у неё есть старший брат.

Очень крутой. Красивый. Они очень близки. А еще она говорила, что у брата есть друг, в которого она влюблена.

- Ясмина, надо расплатиться за кофе.

- Ты еще и кофе пил?

- Он не пил, - вмешиваюсь я. – Могу сделать вам чай с собой, выпьете по дороге, станет полегче. Просто крепкий черный с сахаром.

- Пожалуйста. – он смотрит на меня так пристально.

Я ухожу делать чай. Руки дрожат. Тороплюсь.

Передаю стаканчик, когда Ясмина и её брат уже стоят у выхода. Его поддерживает такой же высокий кавказец.

- Спасибо тебе, Ника, - обнимает меня Ясмина, - Увидимся.

- Забери рулет меренговый, он заказал и не съел.

- Нет, не надо, поедем.

Они уходят. Я подхожу к столу и вижу на нём две красные купюры.

Десять тысяч? Это много!

У нас, конечно, не самый дешевый кофе, но порция рафа это всего пятьсот, рулет – тоже пятьсот. Вторую порцию, мою, мы договорились за счёт заведения, но, допустим, он оплатил. И чай – чай сто пятьдесят. Это всего две сто пятьдесят. Не десять. Я еще зелёный чай обещала, но я его даже не начала готовить.

- Ого, щедрый мужик. Такие чаевые оставил. – радуется Алина, но я её осаживаю.

- Это не чаевые. Это надо вернуть. Пробьем то, что было в заказе, а остальное я отдам.

- Кому?

- Ясмине.

- Это её мужик что ли? Ну, ясно. Горцы к горцам. Хорошо, что я на таких сразу не смотрю, себе дороже. Они на наших не женятся.

- Он её брат.

- И что? Ты уже лыжи наострила на Кавказ? Смотри, по-матросит и бросит. – Алина смеётся, а я думаю – когда она успела стать такой гадкой? Или она была, я просто глаза закрывала?

Фыркаю, не считая нужным ей отвечать.

Пробиваю всё на кассе, сохраняю чек, и сдачу.

До конца смены работаю рассеяно.

Постоянно думаю – стало ему лучше? Так и подбивает написать Ясмине, но я держусь.

Зачем?

Я ведь тоже всё прекрасно понимаю.

У прекрасных кавказских принцев есть их прекрасные кавказские принцессы.

Деньги к деньгам.

А мы... я...

У меня свой путь.

Почему-то вечером, выходя после смены я жду, что он будет где-то рядом. Будет поджидать меня у машины.

Но Азамата нет. И его машины нет тоже. Я же видела огромный внедорожник, стоящий на парковке у входа, почему-то сразу подумала – это его.

Несколько дней проходит.

Я уже и забыла об этой истории, о том, как принесла красивому кавказскому парню лавандовый раф.

Кручусь между учёбой и работой. Сестрёнка уехала на очередную реабилитацию. Я рада, что получилось собрать на это деньги. Бабушка себя чувствует неважно – магнитные бури. У меня тоже побаливает голова – переутомление. Надо купить магний, но стоит он не дешево, тот, который реально помогает. А лишних денег у меня нет.

Следующая встреча происходит совсем для меня неожиданно.

- Вероника, добрый вечер.

Он стоит у авто с букетом роскошных пионов. На парковке у моего училища.

- Я подумал... может быть всё же стоит попробовать лавандовый раф?

Глава 10

- Как... как ваше давление? – я не могу придумать ничего другого, выпаливаю это.

Он усмехается.

- После этих слов хочется в инвалидной коляске свалить в закат. Так меня еще ни одна девушка не... опускала.

- Простите. Я... Если вы собираетесь пить кофе, то... Или я могу предложить декаф. Ой, то есть...

Я соображаю, что мы не в кофейне. И сегодня вообще не моя смена.

- Декаф – это без кофеина?

- Да, именно так.

- И это серьезно работает?

- В каком смысле? – я не понимаю его вопроса, и замечаю краем глаза, как на меня пялится стайка сокурсниц, которые вышли из здания и не расходятся, глаза на меня и моего спутника как на кино бесплатное. – Извините, может, пройдем... мне нужно к остановке.

- К остановке? Ах да, простите, это вам, Вероника. - Он протягивает пионы. Я краснею. – Я про декаф. Работает?

- Спасибо, конечно, но это лишнее. Я про цветы. Я не могу принять. А декаф – конечно работает, хотя кофеин всё равно остаётся в микродозах.

Говорю и иду, стараясь поторопиться, хотя бы за угол за-

скочить.

- Почему? – мой горец искренне удивляется. – Почему вы не можете принять цветы?

- Потому что это дорого, а мы незнакомы.

- Разве? Мне кажется, после того как вы мне измерили давление и вызвали «скорую» мы с вами почти что родственники. – он улыбается, пытаясь в юмор. – И почти выпили этот лавандовый раф...

В принципе, у него получается. В юмор. Это звучит забавно.

Но тем не менее.

Букет пионов. Это как минимум тысяч десять. Я в курсе. Потому что мы выбирали букет преподаше и это был ад. Узнали, что она любит пионы и... в общем, купили просто обычные розы по итогу.

- Извините, не до такой степени, всё-таки и... нет, букет точно нет.

- Почему? Тебе твой парень не разрешает?

- Мой кто? – искренне удивляюсь и тут же стучу себя по голове метафорически – такой был шанс! Ну, может еще прокатит. – Да, точно, парень не разрешает.

- Значит, парня нет? – Азамат смотрит чуть сощурившись. Его же Азамат зовут, я правильно помню?

Мне ведь еще Ясмина писала, благодарила за помощь брату, вроде бы она писала – Азамат. Интересное имя. Но не для меня.

- Парень есть.

- Допустим, но... это ведь просто цветы? Знак благодарности.

- Мне достаточно простого «спасибо».

- Ника, пожалуйста, не отказывайтесь. Посмотрите, какие они красивые. Очень нежные, я выбирал их для вас. Сам. Каждый цветок, правда.

- У вас что, свой цветочный магазин? – опять я ляпаю то, что не нужно, и снова вижу его улыбку.

Ему идёт улыбаться.

Очень идёт.

Красивый кавказский мужчина.

Богатый кавказский мужчина.

Опытный кавказский мужчина.

Беги, Ника, беги!

- Не совсем цветочный. Цветочный у моей тётушки, ей это нравится. Хобби. И она уже просила привести к ней ту девушку, для которой её любимый племянник полчаса выбирал букет.

Полчаса! Ого... ничего себе.

Потратил на меня целых полчаса.

- Передавайте большой привет тёте, очень жаль, что мы с ней не увидимся. Извините, Азамат, кажется так, да? Мне... мне правда нужно идти.

- Я могу вас проводить? Подвезти?

- Нет, спасибо, не нужно. Я на автобусе.

- Ника, мне не сложно подвезти. Это... просто так. И цветы просто так. То есть, в знак благодарности. Вы реально меня спасли. Я ведь мог выпить кофе, а я заказывал двойной эспрессо! Выпить, сесть за руль, и...

- Но вы не выпили. И не сели. Кстати, это была не моя идея принести вам лавандовый раф, так что спасла вас не я.

- Ника...

- Я принимаю вашу благодарность. Мне приятно. Не зря я притащила в кофейню тонометр. Всего вам хорошего и Ясмине привет.

- Ника, постойте.

Качаю головой и бегу, бегу... от себя бегу.

Потому что никогда никто таких букетов не дарил.

Потому что никто так не смотрел.

Потому что никогда рядом не было даже близко похожего мужчины.

И не надо.

Мне не надо!

Это... это слишком для меня.

Слишком.

- Эй, красавица, закурить не найдётся?

- Что?

Торможу, даваясь воздухом от неожиданности.

Эти парни... компания. Я слышала, как о них говорили. Местные. Из «хрущоб», которые еще не снесли.

Они иногда ошивались у училища, периодически доста-

вая наших, понятно, что им было нужно. Не девичья честь. Препараты.

Поэтому мы стараемся ходить компаниями. Нас не трогают. Да и они, в основном активничают по вечерам. И почти всегда у нас тут стоит патрульная машина.

Сейчас не вечер еще. И патрулей нет. А эти есть.

- Не курю, извините.

- Молодец. Здоровье надо беречь. Ты же у нас медсестричка? Можешь помочь одному нашему, ему укольчик бы, и перевязочку, а? Мы заплатим.

- Я спешу. Я не умею. Я только начала учиться.

Говорю сбивчиво. Ноги ватные. Голос меня подводит. Дрожу.

- Ника, вот ты где? Извини, я немного опоздал.

Голос Азамата врывается в мой кошмар как спасение.

Поворачиваюсь к нему и не задумываясь бросаюсь в объятия.

- Молодые люди, какие-то проблемы?

- Нет проблем, дядя. – отвечает тот, кто спросил про курево.

- Просто увидели красивую девочку, решили проводить. – это какой-то другой. Я отворачиваюсь. Мне очень страшно.

- Красивую уже провожают.

- Эх, в пролёте, парни...

- Как Карлсон в самолёте, ха-ха!

Они ржут, но поворачиваются и уходят, продолжая гого-

тать, что-то обсуждая, кажется, моего спутника.

- Испугалась, птичка? Тише, тише... не бойся, я с тобой.

Я дрожу.

Его руки крепко сжимают талию.

Я дрожу не от страха. Не потому, что меня напугали эти отбросы.

Я дрожу потому, что меня обнимает этот невероятный, классный кавказец. И мне это нравится.

- Так что, угостишь лавандовым рафом?

Глава 11

Мы на самом деле пьём лавандовый раф.

На заднем сидении его крутого внедорожника.

Азамат меня обнимает, а я...

У меня словно выключена опция защиты. Предохранители сгорели.

Где-то в голове горит стоп-сигнал, и человечки бегают, размахивая красными флагами.

А я сижу в его объятиях и пью раф.

А еще мы целуемся.

Боже, да, вот так просто.

Я не знаю, что у меня в голове.

Я, наверное, сошла с ума.

Это мой первый вот такой настоящий поцелуй.

Нет, я целовалась уже, но так, несерьёзно, глупо.

А это...

Меня трясло после столкновения с этой шайкой. Азамат просто поднял меня на руки и понёс к машине.

Усадил назад.

Сам сел за руль, куда-то поехал, в итоге мы оказались на стоянке у какого-то кафе, больше рядом машин не было.

Он вышел, сказал, что вернётся через десять минут.

Принёс два стаканчика с рафом, сел ко мне назад.

- Испугалась?

Я дрожала.

Он поставил стаканчики в специальные подставки, взял меня за подбородок, и...

- Не бойся, ничего плохого с тобой не случится.

А потом...

Чертыхнулся на своём языке, и...

И мы целуемся.

Я отвечаю совсем не умело.

Голова кружится.

Он отстраняется, дышит, смотрит так...

Проводит большим пальцем по моей нижней губе.

- Не могу оторваться, просто не могу...

И снова берёт мои губы в плен, проталкивает язык, дразнит, а у меня всё тело откликается, горит, плавится и тает. И между ног потоп и пожар.

- Ника...

Наконец он меня отпускает, сглатывает, откидывает голову.

- Я... я...это первый раз так. Вы не подумайте, я... я не такая.

- Первый раз что? – смотрит не понимая.

- Всё... я...

- Ты не целовалась раньше?

- Так? Нет. И... никак, наверное...

Глупые попытки одноклассников, за которые они от меня получали по морде – совсем не то.

- Ника... ты... уникальная девушка.

Он так смотрит.

- Что?

Головой качает.

- Ничего. Просто...

Азамат смотрит в окно, чуть нахмуривается.

- Я взял раф, будешь?

- Да, спасибо.

И мы действительно пьём раф.

Молча.

Он усмехается.

Начинает рассказывать, что у них в республике культ кофе.

- Даже не знаю, когда началось. Нет, мы всегда пили кофе.

Ну, знаешь, такой как турецкий, крепкий, который варят на песке.

- Еще грузинский тоже так варят.

- Да, и арабский. Даже не знаю, кто первый придумал, надо загуглить. Просто кофе такой вот варили везде. Один вариант. Ну, еще подавали с молоком. А потом стали открывать кофейни и пошло-поехало. Как на дрожжах росли. И прибыль хорошая. У меня, кстати, тоже есть сеть кофеен.

- И вы не пробовали лавандовый раф?

Он головой качает.

- Нет. Я вообще люблю чёрный. Сам дома себе варю. Хотя кофемашина у меня есть.

Делаю большой глоток. Сливочный вкус согревает.

Но меня всё равно еще немного потряхивает. Передёргивает.

- Замёрзла?

- Нет. Это... не от холода.

- Боишься меня? – голос его почему-то кажется ломается на этих словах.

- А стоит?

- Нет. Не стоит. Было бы странно спасти тебя от хулиганов и...

- Мне правда нужно домой.

- Говори адрес.

- Я могу на автобусе.

- Вероника, пожалуйста... Уже поздно. И так холодно сегодня. Как будто январь, а не апрель.

- Да...

Мы допиваем. Я говорю адрес. Он ставит пустой стакан на подставку.

Поворачивается.

Снова берёт за подбородок.

Смотрит так пристально.

Я жду поцелуя.

Понимаю, что даже рот приоткрываю.

И он как-то хищно прищуриваясь опускает лицо, прижимаясь к моим губам.

- Сладкая ты девочка, Ника... Нежная, наивная, сладкая

девочка.

Он прав.

Я наивная.

Он ведь сейчас, по сути, что угодно может тут со мной сделать.

Он огромный, сильный, это его машина.

Заблокирует дверь, изнасилует, вывезет в лес...

Господи...

- Ну, что ты там себе надумала? Я тебя не трону. Я уже всё про тебя понял.

Он понял, да...

Понял, что со мной ловить нечего.

Зачем ему такая как я? Глупая, маленькая, ни к чему не готовая.

Возиться с такой.

Азамат углубляет поцелуй, и я стону в его губы.

Мне так хорошо.

Слёзы на глазах.

Слишком хорошо.

И нереально.

Такому мужчине не нужны проблемы в виде истерик наивных девственниц.

Это я отчётливо понимаю.

Особенно, когда Азамат привозит меня домой, высаживает. Просит взять пионы и прощается.

- Всего тебе хорошего, красивая девочка, Ника. Береги се-

бя. Не ходи одна по вечерам.

Я понимаю, что больше он не приедет.

Это оказывается почему-то очень больно.

Домой иду стараясь улыбаться.

А в глазах стоят слёзы.

Я ведь прекрасно понимаю, что мне с ним нельзя! Нельзя!

А всё равно так обидно.

- Что ты, птичка? – всплескивает руками бабуля, - Ох, какие цветы! Мальчик подарил?

Если бы мальчик.

Бабулю не обманешь. Бросаюсь к ней, реву на груди...

- Ну, всё, всё, красавица моя, ну что ты? Всё будет, всё образуется. Ох, какая роскошь! Оценил мою девочку... Молодец.

Оценил, да.

И понял, что девочка не для него.

Эта девочка его не потянет.

Несколько дней мне кажется, что он где-то рядом. Вот-вот зайдёт в кафе и закажет раф.

Или подъедет к училищу.

Там девчонки наперебой вопросы задавали, кто, да что.

Я плечами пожала, сказала, что клиенту из кафе помогла и он просто отблагодарил.

Всё так и было.

Поздно вспомнила, что я же еще деньги ему хотела отдать! Там вышло больше восьми тысяч сдачи. Если считать два

рафа и два рулета.

Деньги ношу с собой в конвертике с чеком.

Через неделю, когда надежда умирает, в кафе заходит Ясмينا.

Она так странно на меня смотрит!

Я краснею, готовлю её любимый латте на миндальном и творожное кольцо.

- Ты какая-то бледная, Ника, всё хорошо?

- Хорошо, да... я... я хотела передать. – кладу конверт на стол.

- Это что?

- Твой брат тогда оставил десять тысяч, а счёт был на тысячу шестьсот. Это... сдача.

- Какая сдача, с ума сошла? Он оставил чаевые. Ты ему помогла.

- Я ничего такого не сделала, не нужно, правда, мне неудобно.

- Неудобно спать на потолке, забери, чтобы я не видела, тем более я ему не смогу передать.

- Почему? – спрашиваю и тут же дико краснею. Зачем, зачем, зачем... Она ведь поймёт.

- Он улетел, сначала в Европу, потом домой, когда сюда теперь придет я не знаю.

- Ясно. Но... я всё равно не могу взять так много.

- Ника, я тоже не возьму. Пожалуйста, не обижай его. Это... это наша кавказская благодарность, считай так.

- Хорошо, тогда твой кофе сегодня бесплатно.

- Почему? – это наше русское гостеприимство.

Мы смеёмся. Но деньги за кофе она всё равно платит.

А я ТЕ деньги всё так же ношу в конверте.

И решаюсь потратить только в июне.

Потому что мне совершенно нечего надеть. Ну, бывает у нас, у девочек, такое.

Покупаю на «вэбэшке»* два милых платица и босоножки. Мне хватает пяти тысяч.

На следующий день надеваю первое.

Оно лавандового цвета. Короткое – под него я натягиваю джинсовые шорты, если задерётся – не страшно. Новые босоножки, милая белая сумочка, панама. Джинсовку беру, потому что московская погода, обычно непредсказуема.

Алина с нами больше не работает, чему я очень рада.

Новая официантка Карина просит меня отнести заказ за её столик, потому что ей очень-очень надо позвонить.

Два лавандовых рафа и два меренговых рулета.

У нас часто заказывают такой набор, потому что я предложила делать скидку как для влюблённых. Мелочь, а людям приятно.

Несу поднос и чуть не спотыкаюсь, тормозя у столика.

Он смотрит серьёзно. Перед ним букет розовых пионов. Такой же засохший до сих пор стоит дома, несмотря на слова бабули, что это плохая примета.

- Извини, малыш, я не смог забыть...

Глава 12

- Как... как ваше давление?

Он смотрит удивлённо, а потом смеётся.

Встаёт, забирает у меня поднос, ставит его на стол, а потом... потом обнимает меня! Так просто и так уверенно.

- Соскучился, просто сил нет, с ума по тебе сходил, малыш...

Вот так?

Вот так просто... не появлялся два месяца? А потом... Соскучился, малыш?

Меня всю трясёт от негодования.

И стыда.

Зачем я потратила эти пять тысяч? Зачем он приехал?

Я же знала, что не надо деньги тратить!

Как я могла...

Вырываюсь, понимая, что он не отпускает, поднимает моё лицо, а я растеряна совершенно.

- Пустите! Пусти...те... Пожалуйста!

- Эй, абрек, девчонку отпусти? – это наш новый бариста Артур, он среднего роста, тощий как жердь, сам откуда-то с Кавказа, учится в «Щуке», безумно талантливый, но денег нет.

Азамат от неожиданности меня отпускает, на Артура смотрит. Горцу этому нашего баристу переломить пополам

– двух пальцев хватит!

- Кто тут еще абрек! – усмехается, - Ника... прости, я...

- Минуту... подождите, пожалуйста.

Бегу в подсобку, слёзы катятся, а я их не чувствую. И не понимаю своей реакции.

Я очень хотела, чтобы Азамат приехал!

Я очень хотела, чтобы он написал, позвонил.

У Ясминки есть мой номер.

Я очень хотела, чтобы он...

Чтобы он, что?

Вот, он приехал. Приехал ко мне и... ведёт себя, как будто так и надо!

Как будто он имеет право!

Имеет право исчезать на два месяца, потом возвращаться, как ни в чём не бывало.

Соскучился он!

А я?

Его вообще не интересует, что я? Может я умерла? Может, замуж вышла?

Может...

Не важно.

Хватаю свой рюкзачок, там до сих пор болтается тот конверт, чек и остаток суммы. Потом бегу к нашей копилке с чаевыми, открываю. Карина смотрит удивленно, глазами хлопает.

- Я беру пять тысяч, с зарплаты – верну.

- С процентами! – усмехается коллега.

- Обойдётся без процентов.

Запихиваю пятихатку в конверт, выхожу в зал.

Азамат стоит у стола.

Раф опять остывает.

Пионы пахнут одуряюще.

- Вот, возьмите, пожалуйста, это сдача...

- Что? – он смотрит, не понимая.

- Вы в прошлый раз оставили деньги, много. Это сдача.

Нам чужого не надо, спасибо.

Говорю, и поправляю платье, на которое накинута фартук заведения. Платье прямо жжёт кожу. Сама себя ругаю – зачем купила? Зачем деньги потратила? С другой стороны – мне было нужно. Ничего, заработаю и отдам. Сейчас у нас хорошие чаевые, так что...

- Ника, прости, я не понимаю...

Я не могу на него смотреть. В окно смотрю.

Что тут непонятного?

- Что непонятного? – усмехается Артур, словно мысли мои читает, - Девушка на тебя обиделась, пионами не отделаешься!

И смеясь уходит к себе за стойку, потому что клиент уже стучит по столу, требуя свой напиток.

- Придурок, - говорю сквозь зубы, на Азамата всё ещё не гляжу. – Я не обиделась, просто...

- Ты очень красивая. Пожалуйста, выпей со мной кофе.

- Мне нельзя. Я на работе. У нас это не приветствуется.

- Кто сказал?

- Владелец заведения. Ваш раф остынет. Приготовить новый?

- Нет, спасибо... Что-то... голова болит. – Азамат делает шаг чуть ближе. – Снова, видимо, давление. Может, принесёшь этот свой прибор? Измеряешь?

Я не могу отказать.

Не потому что какая-то медицинская этика, или что-то в этом роде.

Не могу и всё.

Киваю.

- Садитесь, сейчас.

Он садится, снова меня глазами своими чёрными сканирует.

На нём тонкая футболка черного цвета. Мышцы бугрятся.

Я снова лечу в подсобку за тонометром, возвращаюсь.

Действую быстро, делово, несмотря на то что у меня ощущение – за нами следит весь зал. Даже кофемашины, кажется, замерли.

Тонометр у нас теперь автоматический. Кнопочку нажал и вперёд.

Я надеваю манжет, стараюсь не касаться его кожи, но это нереально.

- Ты немного изменилась, похудела или загорела, не пойму... Но потрясающе красивая.

- Не разговаривайте, пожалуйста.

Нажимаю, манжет начинает надуваться, заполняясь воздухом.

А у меня внутри тоже словно что-то растёт, растёт, заполняя пустоту отчаяния.

Зачем он приехал?

Я уже забыла.

Я не ждала.

Я всё поняла.

Такие мужчины не для таких как я.

И всё.

Можно сколько угодно цитировать сказку про «Золушку», но она одна, эта сказка.

Одна. Больше таких не было. И все истории о том как бедная девушка становится женой прекрасного, богатого принца в реале заканчиваются печально. Поэтому...

- Сто двадцать на восемьдесят.

- Это хорошо?

- Для вас – да, вполне.

- Кофе можно пить?

- Да, ваш остыл, я могу сделать новый.

- Если можно.

- Два?

- Ты будешь раф?

Качаю головой коротко. Нет, ничего я не буду. И вообще. Мне уже пора обслуживать других клиентов.

Артур готовит раф, наклоняется ко мне, шепчет:

- Хочешь я ему туда плюну?

- Дурак что ли? Не надо.

- Считай, что виртуально – да! – он гримасничает, показывая всю степень своего отвращения к Азамату.

- Он кто вообще?

Пожимаю плечами. Никто. Так... посетитель случайный. Тот кто сорвал мой первый поцелуй. Тот кто меня от хулиганов спас. Украл моё сердце.

Вот он кто.

Ни-кто...

- Угу, это очевидно. Совет нужен?

- Нет, спасибо.

- Хватай этого мужика и тащи в берлогу.

- Что?

- С ним будешь счастлива! – последние слова Артур пропевает на мотив какой-то неведомой мне песенки, опять корчит рожицу и подаёт мне чашку.

Он нарисовал пеной сердце!

- Издеваешься?

- Да. Иди, моя Джульетта, твой кавказский Ромео ждёт, испепеляет меня взглядом. А я? Что я? Всего лишь жалкий Меркуцио...

- Не паясничай, Арт...

- Сама же говоришь – я Арт, артист, паяц... Иди уже, он сейчас во мне дыру прожжёт, если что, между нами ничего

не было.

- Между кем и кем? – удивляюсь я.

- Между тобой и мной, я же тебе как брат?

- Балда...

Смеюсь, выхожу с чашкой кофе и понимаю, что Азамат принимает мою улыбку на свой счёт. Тут же пытаюсь придать лицу суровое выражение.

- Спасибо. Твой рулет.

- Ваш. Я не возьму.

- И цветы опять не возьмешь?

Качаю головой. И отхожу, чтобы принять заказ у соседнего столика. Там сидят две девицы, которые явно положили глаз на Азамата.

Ну и флаг им в руки. Почему-то злюсь.

- Слушай, а этот, которому ты давление мерила, он тут часто бывает?

- Да, приходит обычно с женой и тремя детьми. – говорю злорадно.

- Да, ладно? – одна из девиц округляет глаза, поворачивается и агрессивно пялится на моего горца. Ну, то есть не моего, но ладно.

- А что вы удивляетесь? Они рано женятся, обычно на своих, так что...

Хмыкаю и ухожу в подсобку.

Мне надо дышать, дышать...

- Кристин, рассчитай этого... который с букетом.

- Он просил тебя, прости.

- В следующий раз спрашивай, ладно?

Моя смена еще два часа. Если он будет тут два часа сидеть я свихнусь.

Увы.

Когда я выхожу с подносом – Азамата нет. А цветы мне отдает коллега.

- Возьми, тебе же...

- Давай их тут поставим, пусть... красиво, клиентам.

- Нет. Бери. У меня аллергия на запах.

Что ж... а у меня аллергия на того, кто их подарил.

И лавандовое платье кажется каким-то дурацким, эта оборочка на плечах, уже сто лет не модно...

Вечером прохладно и я накидываю джинсовку, выхожу.

Азамат стоит у внедорожника.

Машина другая. Белый «Порше», очень красивый. Я на таких не ездила никогда. Впрочем, как и на любых других.

- Вероника, добрый вечер. Я хотел извиниться...

- Вау! Вот это шок-контент! – это Артур выходит за мной.

– Чика, какая бомба! Ты просто обязана попросить, чтобы он нас прокатил, ну, это же просто маст-хэв этого лета! Просто имба!

Я только открываю рот, чтобы отшить этого нахала как Азамат открывает дверь!

- Прошу.

- Ты слышишь, чикуля? Нас просят!

И друг наглым образом просто впихивает меня в салон!
А дальше начинаются гонки по Москве.

Ну, как гонки... я понимаю, что Азамат не нарушает, он ведёт красиво. Артурчик полностью берёт на себя внимание, болтает – рот не закрывается, и я вижу, что горец расслабляется, даже начинает сначала улыбаться, потом смеяться.

Да, Арт, конечно, сел назад, меня впихнул рядом с водителем, а сам торчит посередине, вещает обо всём.

И как прекрасна Собянинская Москва, и как круто в центре, и надо обязательно проехать на Патриках медленно, опустив люк, чтобы он мог вылезти. Именно это Азамат и делает!

После Артур просит довезти его на Арбат, к «Щуке», приглашает на спектакль и отчаливает, одарив нас мощным воздушным поцелуем на прощание.

- Да, горец, не обижайся, ты крутой, но к девочкам так не подкатывают, если нужен мастер-класс – я оставил визитку, еще веду корпоративы, свадьбы, похороны... ой, нет, это не мой формат, ну всё, пока-пока, чмоки-чмоки...

Мы остаёмся вдвоём.

Смотрим перед собой, а потом начинаем дико смеяться...

Через пять минут он переплетает наши пальцы.

- Пожалуй... надо взять мастер-класс...

- Зачем?

- Не умею подкатывать...

- А...

- Ника...

Я поворачиваю голову. И он тоже.

Мы просто смотрим.

- Я пытался, правда.

- Что?

- Забыть тебя.

- Почему?

- Потому что струсил.

- Что?

- Потому что если тогда был твой первый поцелуй, то...

- Первый... - хриплю я, не узнавая свой голос.

- Ты... ты нереальная.

- Я обычная.

- Ты... с тобой можно только серьёзно, или никак.

Молчу, переваривая то, что он сказал.

- И... что? Ты решил, что лучше никак?

- Да... - он говорит это глухим голосом, а я начинаю дергать ручку двери чтобы выйти.

- Выпусти, пожалуйста.

- Я хочу серьёзно. Ника. Я хочу встречаться с тобой, узнавать тебя, сближаться, сделать так, чтобы ты узнала меня, и...

Еще одна пауза, он наклоняется ближе... у меня всё сжимается внутри, всё там словно сгущается, становится вязким, тягучим, горячим, жаждущим...

- Я хочу серьёзно, Вероника. Хочу, чтобы ты была моей.
По-настоящему.

- Твоей?

- Моей женщиной. Моей любимой. Моей женой...

Глава 13

Мы сидим на смотровой площадке. Под нашими ногами моя любимая Москва. Большой, красивый, современный город с такой удивительной историей.

Историей, которую я немного знаю и люблю.

Удивительно, но на этом месте я, коренная москвичка не была ни разу. Его открывает мне этот красивый южный мужчина, горец.

Азамат Гамзатов.

Он расстелил плед, принёс бутылку гранатового сока, бокалы, абрикосы и черешню – оказывается у них уже урожай!

Я пока не могу собрать все свои мысли.

Я как в тумане.

Азамат предложил мне стать его девушкой!

Нет, не так... Любимой женщиной!

Женой...

Боже, про жену я, конечно, даже не могу думать, но всё остальное...

Азамат очень серьёзен.

И ему нельзя не верить.

Просто нельзя.

Я знаю всё, что скажет сестра, как она будет скептически под лупой рассматривать всё, что происходит между мной и этим красивым горцем! Будет рассматривать... Значит, я

всерьёз считаю, что рассматривать будет что?

- Ника... о чём ты думаешь?

- О сестре, то есть... о нас.

Он протягивает мне черешню, ягоду, прямо в рот, и его пальцы, так близко, взгляд темнеет.

- Вкусно?

Я киваю.

- И мне вкусно. — он чуть смещается, обнимая меня сзади, опрокидывает меня себе на грудь, шепчет на ухо.

- Думал о тебе каждый день, каждую минуту, секунду...

Наваждение моё.

- Это... это плохо?

- Было плохо.

- Почему?

- Потому что...

- Почему?

Я поворачиваюсь к нему, и сгораю в огне его глаз. Дрожу...

- Ника...

Поцелуй не нежный ни капли. Он словно пьёт меня, вкушает, прижимает сильнее и я слышу его стон...

- Ника...

Я наивная, неискушённая, но я сразу всё понимаю. То, о чём он думал, как он думал.

- Провалился в тебя, девочка, мечтал о нас, знал, что нельзя, нельзя тебя испортить, нельзя с тобой вот так...

- Азамат...

- Понимаешь?

Киваю, сглатывая, а он такой серьёзный.

- Поэтому я не хотел возвращаться. Я боялся, что не сдержусь. Я... я и сейчас боюсь.

- Почему?

- Я не хочу делать тебе больно. Обидеть не хочу. Я ведь знаю... - он усмехается, - знаю все, что про нас, горцев, говорите...

Снова смущаюсь.

Ну да, все приличные девочки давно выучили, что связываться с этими горячими мужчинами – себе дороже. Они красиво ухаживают, говорят сладкие слова, всё делают для того, чтобы ты им поверила, всё для того, чтобы затащить в постель, а потом...

И я тоже думала про Азамата в таком ключе, а теперь...

Теперь не знаю, что думать.

Просто не хочу думать. Хочу наслаждаться этой близостью, его поцелуями, его страстью...

- Ты такая красивая, я когда тебя увидел – просто обалдел.

- Почему?

- Почему обалдел?

- Да.

- Сам не знаю. Просто... Ты была такая... нереальная.

- Просто у тебя было высокое давление.

Мы смеёмся.

И снова целуемся.

И едим черешню и абрикосы.

- У нас дома из абрикосов готовят вкусную кашу. Ты обязательно должна попробовать.

- Кашу из абрикосов? Это как?

- Честно? Я не знаю технологию, - он улыбается, - но моя сестра Ясмينا – точно готовит. И мама, и тётя, и бабушка. Вообще, у нас очень большая семья, уверен, тебе все понравятся, и ты понравишься им.

Я смотрю в его глаза и внутри у меня такая буря из эмоции и чувств! Мне и радостно, и страшно, и я сама не понимаю, как быть дальше, как относиться к тому, что мне говорит Азамат.

- Ника...

- Что?

- Ты мне не веришь?

- Я... я верю.

Я на самом деле верю. Очень хочу верить.

- Я хочу, чтобы ты мне верила.

Мы сидим долго. Разговариваем. Я сначала стесняюсь задавать какие-то вопросы, но Азамат рассказывает сам. Учился в Москве, в Высшей школе Экономики, потом еще какой-то курс проходил в Лондоне. Занимается бизнесом. В республике – нефть и строительство, ресторанный бизнес. В Москве – строительство.

Слушаю его и понимаю, что это какой-то совсем другой

уровень. Для меня недостижимый.

Кто я и кто он?

И это снова меня пугает.

Зачем я ему? Ну, зачем?

Не выдерживаю.

Прямо так и спрашиваю.

- Что? – Азамат смотрит не понимая, а я сглатываю ком в горле.

- Зачем тебе я? Ты такой...

- Какой? – он усмехается.

- Ты... ты из другого мира, понимаешь?

- Понимаю. Прекрасно понимаю, Ник.

- Нет, не потому что ты с Кавказа...

- Горец...

- Я не об этом, ты... образованный, умный, ты... ты богатый, а я...

- А ты настоящая, понимаешь? Просто настоящая.

Он смотрит, берёт мою ладонь, подносит к губам.

- Я понял, что хочу рядом тебя. Только тебя.

- Ты меня почти не знаешь...

- А ты пока не знаешь меня. Но у нас есть время, чтобы узнать друг друга. Я хочу, чтобы мы узнали.

Азамат снова меня обнимает. Поднимает моё лицо за подбородок.

- Ты мне затем, что без тебя у меня пустота внутри. И мрак. А рядом с тобой – свет. Ты – настоящая! Ты живая.

Эмоциональная. Чистая. И...я боюсь, что ты скажешь мне «нет». Именно потому, что ты такая. С тобой – только по-настоящему, понимаешь?

Он говорит такие слова, так красиво!

Но, конечно, я всё равно боюсь. Трясусь внутренне.

Не потому, что не верю ему.

Я верю.

Я боюсь, что он во мне разочаруется.

Не хочу этого.

Хочу...

Хочу его рядом.

- Не отталкивай меня, Ника... позволь мне тебя любить.

Любить?

Глава 14

Он серьёзно говорит о любви, а у меня сердце открывает-
ся навстречу его словам.

Я тоже хочу любить.

Я хочу быть его!

Домой приезжаю поздно.

Счастливая.

С пионами.

Бабушка сразу всё понимает. А я рада, что сестрицы дома
нет.

С бабушкой всё обсудить проще.

А моя Даринка бывает циничной. Иногда даже жестокой.

Я могу её понять. Её жизнь совсем не баловала и не ба-
лует.

Сестре после той аварии тяжело даются порой самые про-
стые вещи. Но она – боец.

Бабушка заваривает чай, слушает мой рассказ.

- Ох, девочка моя, я и рада за тебя и страшно...

- Мне тоже страшно. Но... он такой! Я... можно я хотя бы
попробую?

- Конечно можно. Живи! Надо жить и дышать полной гру-
дью.

Днём моя смена в кафе, Артур многозначительно подми-
гивает, протягивает билеты на спектакль.

- Сходи, со своим горцем, но смотри, у нас девицы красивые, могут наброситься на него.

- Да ну тебя! – я смеюсь, но Арт смотрит серьёзно.

- Ник, ты уверена, что он...ты же сама знаешь, что про таких говорят?

- Знаю. И я уверена. Он... - вспоминаю то, что мне сказал Азамат. – Он настоящий.

Мы идём на спектакль в театральное училище, Артур шикарно играет, я даже не ожидала, что он такой талантливый.

Азамат видит, как мне нравится, предлагает еще раз сходить в театр.

Мы начинаем встречаться, ходить на свидания, общаться.

Я вижу, как на меня смотрят, когда я рядом с ним. Замечаю удивлённые взгляды.

Да, мы, конечно, выглядим, так, как будто мы реально из разных миров. И дело не только в том, что на мне простая одежда. Я понимаю, что мне нужно тянуться к нему. И я готова.

Просто я вижу, какие девушки ходят с такими мужчинами как Азамат.

Они выглядят как картинка. Глянцевая модель.

Словно андроиды. Идеальная кожа, идеальные губы, идеальные волосы, макияж, стиль.

- Куклы, - как-то сказал о них Азамат, увидев мой взгляд на них.

- Красивые?

- Не живые. А ты... ты живая.

Мы уже три недели вместе, но я всё ещё не могу в это поверить.

Дарина, сестра, узнав о наших отношениях отзывается скептически.

- Не давай ему, Ник.

- Что? Зачем ты так говоришь?

- Затем. Я не вчера родилась. И всё это... Всё это слишком похоже на сказку про Золушку, а я... я не верю в сказки.

- А я верю!

- Ладно, прости. Я на самом деле циничная и противная. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

А я счастлива!

Каждую секунду рядом с ним.

Каждое мгновение.

Каждый миг.

Азамат приглашает меня за город, готов оплатить поездку и для моей бабушки или сестры, но они отказываются. У бабушки процедуры, а у Дарины работа. Но меня отпускают.

- У нас будут разные номера, - говорит Азамат, - вы не думайте, что я...

- А мы не думаем. – оглядывая его иронично замечает сестрица.

Он как раз пришёл к нам, знакомиться.

Я очень переживала – живём мы просто, никаких изысков. Но ему нравятся и бабуля, и, главное, Дарина. Он сразу

предлагает ей помощь в лечении.

- Спасибо, я справляюсь, не нужно благотворительности,
- говорит она.

А Азамат отвечает вполне достойно.

- Это не благотворительность, мы скоро будем одной семьей. У меня серьёзные намерения, касающиеся вашей сестры.

- Это вы лучше с ней наедине обсудите.

- Обсудим.

Мне немного стыдно за сестру, и я даже извиняюсь перед Азаматом, когда мы едем в этот загородный комплекс. Но он отвечает, что сестра всё сказала правильно.

- Они тебя очень любят. Это ценно.

Киваю. Я тоже счастлива, что у меня дружная семья. Что после гибели родных я не осталась одна, не попала в детдом.

- Ника... я хотел сделать тебе небольшой подарок, уверен, ты воспримешь правильно. Я... я купил для тебя платье, и хотел бы, чтобы вечером ты его надела.

Вспыхиваю, но тут же беру себя в руки.

Я всё понимаю. Конечно, ему хочется, чтобы рядом с ним была утонченная, изысканная девушка, а не девчонка, одевающаяся часто как подросток.

Платье нереальное. Мне кажется, я видела такое в журнале мод, которые лежат к нас в кофейне для гостей.

Оно приталенное, с пышной юбкой до колена. Вроде бы простое, но смотрится как произведение искусства. К платью

прилагаются изящные босоножки.

Мне совсем не стыдно, что он одевает меня. Я всё понимаю и... это кажется милым.

Нас селят в соседних номерах. Мой такой огромный, что, кажется, там поместилось бы человек десять точно.

Азамат заходит за мной в восемь, мы идём ужинать.

Он ведёт меня не в обычный ресторан. Мы идём на крышу отеля, где есть специальное патио, на котором накрыт стол. Играет живая музыка, но музыканты, как объясняет нам метрдотель сидят на балконе, чуть ниже, мы их не видим, они не видят нас.

Приносят салат с тунцом, потом стейк и рыбу для меня – Азамат уже понял, что я предпочитаю форель и сёмгу.

Нам наливают шампанское.

- Я хочу поднять бокал за тебя, моя принцесса, спасибо тебе за то, что ты появилась в моей жизни.

Это звучит трогательно, и мне хочется ответить ему тем же. Но Азамат делает знак, предлагая выпить, а потом подаёт руку.

- Потанцуем.

Мы кружимся по патио, над нами зажигаются звезды, звучит нереальная, нежная мелодия.

А потом Азамат встаёт на одно колено.

- Вероника... я люблю тебя, и хочу, чтобы ты стала моей женой.

Вот так просто.

Но так по-настоящему!

Я чувствую, как мои щёки становятся влажными от слёз.

- Да... да...

- Ты плачешь?

- От счастья! Я так счастлива!

- И я... я не могу поверить, что всё это реально, и мне никогда не было так хорошо.

Мы танцуем, едим, допиваем шампанское, смеёмся, целуемся, еще целуемся, еще... А потом... потом мы оказываемся в его номере.

Вдвоём.

Только он. И я...

Только мы...

- Ничего не будет, Ника. Я... я просто хочу, чтобы ты была рядом сегодня. А потом... у нас будет настоящая брачная ночь. Я хочу, чтобы было так. По-настоящему.

- Слушай, твой горец сумасшедший, может, у него там проблемы? – смеётся сестра, когда я ей рассказываю. Смеётся, чем дико меня обижает.

- У него там нет проблем! У него там всё... всё в порядке.

Отвечаю дико краснея, потому что хоть между нами и не было самого главного, но кое-что было. Мы лежали вместе, мы обнимали друг друга, мы... касались друг друга...

Он снял с меня платье. И я позволила. А он позволил снять с него рубашку. Он целовал меня, мою шею, грудь, и ниже... он трогал меня... Откровенно, и в то же время как-

то... целомудренно. Я не знаю как так, но это было нереально волшебным.

Вся эта ночь.

Вся наша с ним любовь.

- Ох, Ника... счастливая ты моя, дурочка, такая влюблённая! Я так хочу, чтобы ты была счастлива! – обнимая меня говорит сестра.

Я тоже хочу.

Очень!

И так надеюсь, что семья Азамата меня примет!

Глава 15

Мы назначаем дату свадьбы!

Это фантастика. И я не верю.

И верю.

Азамат очень серьёзно разговаривает и с бабушкой моей, и с Даринкой.

Объясняет, что свадьба будет у него на родине в столице республики. Естественно, он приглашает моих родных, мы приглашаем. И Дарину, и бабушку.

И я так хочу, чтобы они были со мной!

Конечно, бабушка думает, размышляет, как поступить лучше.

- Может быть, здесь хотя бы ЗАГС? А там у вас праздник? Я боюсь, что...не смогу уже, не сдюжу...

Бабуля не зря боится.

Лето у нас какое-то тяжелое, погода скачет, а бабуля метеозависимая, и потом, ей почти семьдесят пять, она много лет никуда не ездила, занималась нами, мной, сестрой.

Волнуется за меня. Хоть и счастливые хлопоты, как она сама говорит, а всё равно.

В начале августа бабушку увозят на «скорой». Азамат готов положить её в хорошую, платную клинику, она сопротивляется, но нам удаётся её убедить.

- Галина Тимофеевна, вам будет комфортнее там, не вол-

нуйтесь, я все расходы беру на себя.

Азамат говорит и действует так спокойно, уверенно.

Мужчина.

Глава семейства.

Бабуля даже прослезилась, на него глядя.

- Ох, девочка моя, неужели тебе повезло? Неужели закончилась чёрная полоса...

- Бабуль, ну какая чёрная? У нас же было всё хорошо?

- Хорошо...

Обнимает меня и остаётся в клинике.

Дарина пытается отдать Азамату часть денег, но он, спокойно улыбаясь объясняет:

- Я беру Нику в жёны, я теперь у вас старший мужчина в семье, так? Значит, всё на моей ответственности. Кстати, Дарина, Ника мне сказала о вашей реабилитации.

- Нет. Нет и всё.

- Дарин? – я не понимаю, почему она упирается.

- Ник, твой мужчина берёт в жёны тебя, а не всё семейство. Я взрослая, самодостаточная, я работаю и зарабатываю, поэтому...

- Поэтому вам иногда надо отдыхать и учиться принимать помощь.

- Нет уж, спасибо. Я как-то привыкла сама. Мне так проще. Разве что...

- Что?

- Ну... - сестра глаза закатывает, губки сжимает, как будто

думает.

Она у меня очень красивая, просто нереальная, на неё всегда все засматриваются, только когда она начинает идти, хромает, становится видно её проблему, увы, мужской интерес в пятидесяти процентах случаев сходит на нет. А в остальных пятидесяти, как говорит сестрёнка процент адекватных стремится к нулю.

- Кому нужна инвалидка увечная? – усмехается она обычно, хотя я всё-таки всё равно слышу в её голосе горечь.

Знаю, что у Дарины был роман с одним коллегой, и сначала отношения развивались бурно, свидания, цветы, рестораны, театры, а потом... Потом Дарину увидела его мамочка и...

Нет, он еще какое-то время кормил её «завтраками» — это выражение сестра любила повторять. И она его тоже... накормила.

- Просто угостила его коктейлем под названием «Пошёл ты на...» - Дарина смеялась, но это было реально! Она пригласила его в популярный «нельзяграмный» ресторанчик, заказала коктейль с таким говорящим названием и красиво вылила ухажёру на голову.

Смеясь.

И только я знала, что Даринка потом плакала в подушку.

Сестра говорила, что ей показалось он – тот самый. Она впервые влюбилась. И вот...

- Так что же вы хотели, Дарина? – переспрашивает мой

Азамат.

- Может, подгоните мне кавалера из вашей солнечной республики? Я даже обещаю надеть платок и быть покорной. Могу даже второй женой...

- Дарин!

Вижу, что Азамат немного впал в ступор, но быстро нашёлся.

- Уверен, на свадьбе у вас будет много кавалеров, мне даже надо будет охрану нанимать, или доставать бейсбольную биту, отгонять наших мачо от своей... м-м-м... йаранвах, кажется, так у нас говорят про сестру жены.

- Ох, ох... отгонять! Как бы меня от них отгонять не пришлось, если там все такие как вы, Азамат.

- Таких как я больше нет. – отвечает он смеясь.

Вообще мы так много улыбаемся, смеёмся – мы всё время счастливы.

Гуляем вместе с Ясиной и её женихом Джамалом.

Он приятный, интересный, и так трогательно за Ясиной ухаживает!

А я замечаю, что Азамат немного ревнует сестру к другу.

- Отпусти, она так счастлива!

- Неужели заметно, что я...

- Заметно, конечно, ты переживаешь за неё! Это же нормально. Но я чувствую, что Джамал влюблён. Она для неё как свет в окошке. Как я для тебя. Ой... Прости...

- Почему прости? Ты права. Ты мой свет... Ты моя душа.

Моё сердце...

Он целует меня, и тут протестующе шипит Ясмина – ей-то он запрещает целоваться на людях!

- Азамат, братик, а кто говорил, что так нельзя?

- Тебе нельзя, а нам можно. У нас свадьба на носу...

Свадьба.

Ух, я волнуюсь, конечно.

И я счастлива.

Азамат говорит, что мы поедem к нему на родину за десять дней до торжества. Должны всё успеть.

А Ясмина за голову хватается – как успеть? Там же и платье надо купить и всё-всё...

Я как и Азамат спокойна и считаю, что всё успею.

Но за три дня до выезда – беда.

Дарина была так настроена ехать!

Какое-то ужасное стечение обстоятельств – выйдя с работы и попав под ливень сестра падает, ломает руку. Ей сложно ходить – ведь именно на эту руку она опиралась, держа свою палочку!

- Малышка, я очень хочу поехать, но ты видишь... - Со слезами на глазах говорит сестра. – И бабушка совсем плохая.

Да, я всё вижу, все понимаю, стараюсь держаться, хотя мне совсем не весело.

Реву в подушку.

Расклеиваюсь и перед Азаматом.

- Я не знаю, что делать... я... я так хочу, чтобы они были рядом.

- Я понимаю тебя, малыш. — Азамат и сам очень расстроен этими обстоятельствами. — Но там уже всё заряжено... зал, гости, отели для гостей... у нас свадьбы играют с размахом, ну, ты видела...

О, да! Я посмотрела записи со свадьбы его родственника — как голливудский блокбастер. Шикарные машины, лимузины, «Гелендвагены», сотни гостей, угощение — осетры запечённые, черная икра в больших тарелках, шоу программа с лезгинкой и даже звёзды эстрады!

Мне бы хотелось свадьбу скромнее, я попыталась объяснить Азамату.

- Маленькая моя, я понимаю, но есть люди, которых я не могу не позвать. И есть моя тётя, для которой это событие, к которому она шла всю жизнь, правда. Она вырастила меня...

Хала Зумрад.

Азамат представляет её первой, когда мы заходим в дом.

Зумрад улыбается.

Но почему я не доверяю её улыбке?

- Тётя очень любит Азамата. У неё нет родных детей, она, получается, нам свою жизнь посвятила. — Ясмина объясняет мне всё про всех, рассказывает, как себя вести.

Я стесняюсь. Но стараюсь быть вежливой, приветливой.

В принципе меня очень тепло встречают.

Азамат сначала собирался меня в гостинице поселить, но

его убедили привести меня в семейный дом.

- Тут я живу, - говорит Ясминка, - и тётя Зумрад. И еще родственники. Дальние, в основном.

- А... Азамат?

- Брат живёт в городской квартире, но вы будете жить в доме. Он построен год назад, но пока Азамат там только пару раз ночевал.

- А где... где ваш отец? – осмеливаюсь спросить, хотя Азамат мне про него уже всё рассказал.

- Отец... Отец своей жизнью живёт. У него теперь свой дом. Новая жена. Новая жизнь. Азамат с ним не ладит, а я...

- А ты?

- Я встречаюсь с папой иногда. Не всегда брату рассказываю.

- Ясно, - я улыбнулась, у меня тоже были какие-то мелкие тайны от сестры.

Именно мелкие.

Конечно, я не скрывала общения с родственниками. На самом деле у нас и не было родственников. Когда погибли родители как-то оказалось, что сиротки с материальными проблемами никому не нужны.

Ясмина делится со мной своими переживаниями насчёт её свадьбы, и её жениха, Джамала.

- Он... он такой красивый, Ника, мужественный, сильный, и я вижу, как на него смотрят женщины. Я ведь умру от ревности! Просто умру.

- Глупенькая! А как он смотрит на тебя!

- Он опытный, понимаешь? Я знаю, что у него было много женщин...

- Боже, откуда ты знаешь?

- Знаю... И как я могу с ними сравниться?

- Ты будешь лучше! Потому что ты будешь только его! Чистая для него!

- Правда? Ты так считаешь? А ты... ты с Азаматом, вы...

Я дико краснею.

Головой качаю.

- Ох, сестрёнка... он так тебя любит! Братец мой ведь тоже...опытный сердцеед. Ой, я тебе ничего не говорила, а то он меня убьёт...

Мы смеёмся, ложимся спать в первую ночь в комнате у Ясминки, никак не можем заснуть, болтаем, болтаем... Потом она засыпает, а я...я смотрю в окно, на черное-черное небо, на котором столько звёзд, сколько я ни разу не видела. Одна звезда падает, и я успеваю загадать желание.

Хочу быть счастливой, очень счастливой невестой и женой.

Я верю, что моё желание сбудется.

Верю...

Так сильно верю!

Десять дней пролетают мгновенно и вот мы с Азаматом уже стоим в ЗАГСе.

Тут с нами только Ясмина.

За это время столько всего случилось! Дикая ссора Азамата с Джамалом. Кажется, что свадьба сестрёнки расстроилась и я в шоке. Буквально пару дней назад она была такой счастливой, а сейчас...

После ЗАГСа меня везут в дом какой-то тётки, говорят, традиция, там меня будут готовить к торжеству.

Я совсем не ожидаю, что вечером тайно ко мне придёт Джамал.

- Сестра, прости, помощь нужна, человек истекает кровью.

- Вызови «скорую», Джамал, я не врач.

- Нельзя «скорую», если узнают, что она у меня – убьют.

- Кто – она.

- Я расскажу, пожалуйста, быстрее.

Я даже не думаю, что это может быть подстава, я доверяю Джамалу.

Он спрашивает про Ясю.

- Скажи ей, передай... если сможешь, передай, что я люблю её, что всё это подстроено, я... я не предавал Азамата. Я ничего этого не делал.

Когда я узнаю кто именно в его доме – я в шоке.

Через час Джама привозит меня обратно. Ему удаётся сделать это тайно – по крайней мере я в этом уверена.

А еще через час, глубокой ночью, в мою комнату входит Азамат...

Глава 16

- Азамат?

- Пойдём со мной.

- Куда?

- Пойдём, жена...

Он говорит это слово – жена! – и я всё понимаю.

Да, я его жена. По закону я жена. И мы... мы уже можем...

Боже...

Я чувствую жар, приливающий к щекам. И одновременно леденящий холод.

Мне и страшно, и радостно, и... всех эмоций не передать.

Азамат подходит, поднимает меня на руки, и просто выносит из спальни.

В доме как будто никого нет. Мы одни.

Но мы тут не останемся, это ясно.

Мы оказываемся на заднем дворе и там припаркован его автомобиль.

- Но... как же...

- Я верну тебя утром, любимая. Я понимаю, что... что можно подождать один день. Но я больше не могу ждать. Только если... Если ты хочешь...

Смотрю на своего любимого, и он сразу всё понимает.

Глаза его сверкают.

- Едем.

Внедорожник тихо шуршит шинами. Ворота сами закрываются. Дороги тёмные. Тут ночью освещены не все улицы. Я не знаю долго ли мы едем, у меня так сильно и глухо бьётся сердце, что я не соображаю, что происходит вокруг.

Снова ворота. Красивые, кованные. И бетонный забор. Резиденция.

- Это мой дом, Ника. Наш дом. Завтра ты войдёшь сюда хозяйкой. То есть... нет, уже сегодня, сейчас.

Азамат берёт мою руку, целует пальчик, на котором наде-то его кольцо, обручальное кольцо. Простой золотой ободок. Тяжелый. Ценный.

Ценный не как кусок золота, а как символ.

Как тавро. Принадлежность.

Этому мужчине я принадлежу. А он принадлежит мне.

Мы сочетаемся сегодня, отныне и во веки веков.

Я снова у него на руках. Обидно, что на мне не свадебное платье.

Обычный лёгкий спортивный костюм.

В нём я ходила с Джамалом.

Чуть испачкалась кровью, пришлось застирать. Замечаю, что остались еще капельки. Только бы Азамат не увидел...

Я не могу ему рассказать. Не сейчас.

Джамал просил.

Но Азамат, похоже, замечает только меня. Смотрит на моё лицо.

Серьёзно.

- Ника...

- Да...

- Ты точно уверена?

- Ты мой муж, Азамат!

Для меня, конечно, важен обряд завтра, я понимаю, как он важен для моего мужа.

Но мы УЖЕ поженились.

У нас есть свидетельство о браке. И кольца.

И запись в ЗАГСе.

Перед законом мы муж и жена.

И перед богом.

Любым богом.

Потому что...

Потому что мы любим друг друга.

Наша любовь сильнее и выше любых законов. Я в это верю.

- Люблю тебя... Я так тебя люблю, что мне больно...

Он говорит это, опуская меня на огромную кровать.

Я не знаю, как мы оказались в спальне.

Я ничего не вижу вокруг.

Только его.

Его глаза. Его лицо...

- Ника...

Он опускается рядом, мы просто не отрываем взгляды друг от друга. Голодные взгляды.

Я никогда не думала, что будут так сильно этого хотеть.

Того, чтобы стать ЕГО.

- Азамат... я... люблю тебя. Я хочу быть твоей...

- Ника...

Поцелуй. Один. Потом еще и еще... много, жадно, остро.

Так глубоко, как мы еще никогда не целовались.

Я понимаю, что мой любимый всё время меня берёт, а сейчас словно с катушек сорвался.

И я... я сама тоже.

Мне мучительно хочется слиться с ним в одно.

Стать одним.

Быть одним.

Всегда...

У меня слёзы на глаза накатывают от переполняющих эмоций и чувств.

- Что, маленькая, что?

- Я... мне так хорошо... я так... так хочу тебя.

Это правда.

Это искренне.

И я надеюсь, что он в это поверит.

В мою искренность.

Он серьёзен! Так серьёзен как никогда.

- Люблю тебя. Никто у меня тебя не отнимет.

- Никто. Я твоя. Только твоя. Всегда буду твоя.

Я почти не понимаю, как мы снимаем одежду. Быстро. Рвано. Путаясь...

- Тут кровь, твоя? Ты... поранилась?

- Нет, не моя, не важно, не важно, пожалуйста, продолжай...

- Ника... Ника... Боже...

Холод воздуха обжигает. Мои соски напряжены, мне не стыдно, хотя щеки опалает огнём. Я испытываю какой-то невероятный кайф от того, что он смотрит.

Он разглядывает меня как произведение искусства.

Как драгоценность.

Я вижу, как ему нравится то, что он видит. Вижу его затуманенный взгляд. Его замедляющееся, тяжелеющее дыхание. Его страсть, которая сплетается с моей.

Я хочу его руки на своём теле, его губы...

Хочу и получаю.

Кожа к коже.

Его рот на моей шее, жадный, влажный. Ниже по ключице, ведёт, не останавливаясь ниже.

Он облизывает кожу чуть выше соска, а когда смыкает губы на вершинке я выгибаюсь всхлипывая.

- Боже... боже... еще... пожалуйста...

Еще! Да! Я хочу еще... хочу его всего. Много. Жадно.

Он играет с моей грудью долго. У меня сводит низ живота, там между ног просто потоп и пожар одновременно.

Я хочу его там.

Хочу сильно...

Так сильно, что ноги сами собой раздвигаются.

- Азамат... боже... пожалуйста...

Он отстраняется. Его взгляд такой дикий, затуманенный страстью.

Голодный.

Он проводит ребром ладони по влажным складкам, не отрывая взгляда от моего лица.

- Тебе нравится?

- Да... да...

- Ты готова?

- Пожалуйста... боже... я с ума сойду... я больше не могу...

Вижу как дёргается уголок его рта.

Но он серьёзен.

- Я тоже с ума схожу. Я никогда не думал, что это на самом деле реально.

- Что? Что это?

- Когда любишь... Всё по-другому. Это просто... не сравнится ни с чем другим.

- Азамат...

Он опускается, целует меня в губы, а потом...

Потом его рот опускается на моё лоно.

Боже... выгибаюсь, не могу сдержать крик. Шепчу бесвязно. Мне хорошо, хорошо, хорошо! Еще, пожалуйста, продолжай... Господи...

Слёзы текут по щекам.

Я так счастлива!

Я так невысказанно счастлива быть опалённой им!

Быть открытой им.

Принадлежать ему.

Я не понимаю, что он делает, как. Целует, засасывает, лижет, ласкает, упиваясь мной, пьёт меня как нектар, как дар богов...

Я сжимаюсь вся, напряжение растёт, пружина внутри скручивается, наступает момент предела, а потом... потом я взрываюсь прямо в его губы... Расслабляясь с криком и стонами, дрожу, бедра сводит судорогой, плачу...

Плачу от счастья...

Господи, как же мне хорошо!

- Я причиню тебе боль. Но это неизбежно. Просто знай, что я люблю тебя. Постараюсь быть осторожным, но...

- Боже, делай всё, пожалуйста, всё что хочешь, я твоя, я хочу быть твоей, соедини нас!

Соедини...

То, что уже соединил бог. В моём сердце. В моей душе.

То, что не под силу разъединить человеку.

Взгляд любимого перед самым первым нашим разом.

Я не забуду его никогда.

Этот огонь.

Это пламя его души.

Эти чувства, что навсегда делают нас одним.

Неделимым.

Она горячая, большая. Его головка. Я её вижу. Чувствую.

Я не боюсь смотреть.

Я хочу видеть.

- Боже... боже... боже...

- Ника...

- Пожалуйста...

Никогда в жизни не хотела ничего так!

Это сильнее меня.

Раскрываюсь перед ним еще больше, сама буквально насаживаюсь, закусывая губу, двигаюсь ему навстречу.

И он это делает.

Входит. Медленно. Заполняет.

Я чувствую, буквально чувствую, как расширяются мои зрачки.

Как я тону в нём.

И он тонет во мне.

Погружаясь глубже... глубже...

Острее...

- Не больно? – он шепчет одними губами, а я качаю головой, глаза в пелене слёз.

Это не боль.

Это какая-то немислимая наполненность.

Соединение.

Сочетание.

Сочетаются раба твоя Ника и раб твой Азамат...

Понимаю, что у нас так не будет. Но это не важно.

Его бог, мой бог. Наш.

Наш бог – наша любовь.

Прорыв, напряжение, дышу тяжело, слеза катится по щеке.

Я родилась сейчас. В эту секунду.

Родилась женщина.

Его женщина, навсегда...

Одним движением он заполняет меня всю.

Нависает, прижимая меня своим телом.

Глаза в глаза.

- Любимая моя. Жена моя. Душа моя.

- Любимый...

Больше нет он и я.

Мы.

Теперь есть мы.

Навсегда.

Я так верю, что это нерушимо!

До самой последней секунды верю.

Пока наши жизни не сгорают дотла...

Глава 17

В палате холодно. И в то же время как-то душно. Я не хочу тут оставаться.

Но и уходить мне тоже страшно.

Отец Азамата словно дементор из известной книги.

Оставил после себя лёд.

Словно выстудил всё.

Высосал из меня радость.

Остатки радости.

Господи, еще вчера я была счастливой!

Самой счастливой!

Этой ночью!

Еще суток не прошло!

Как он меня любил!

Как он меня ласкал!

Как Азамат меня присваивал. Делал своей.

Соединял нас в одно.

Нашу жизнь. Нашу судьбу.

Что мне теперь делать? Что?

Булат Гамзатов, отец моего мужа объявил мне войну.

Великий и могучий Булат Гамзатов.

И что мне делать?

Я не хочу воевать.

Я боюсь. Мне страшно.

Особенно страшно, когда он говорить про цену.

Жизнь.

Не моя.

Не моих близких.

Нет!

Этот старый одинокий волк знает на какие точки давить.

Он поставил на кон жизнь моего любимого.

Жизнь своего сына.

Господи...

Читаю молитву про себя, слова перебирая.

Я читаю «Отче наш», молитву, которую помню и люблю, которая всегда вызывает трепет, которая помогает даже в самые тёмные времена.

Когда Азамат сделал мне предложение я очень сильно волновалась – ведь у нас разная вера!

Я христианка, он мусульманин.

Я хотела сохранить свою веру, для меня это было важно. Хотя я не считала себя слишком воцерковлённой, но вера мне помогала. Всегда помогала. И когда погибли мама и папа я пришла в храм, у меня появился духовник, который слушал и слышал. Отец Артемий, которого хорошо знает вся православная Москва, и Россия. Он помогал и морально, и материально.

Я просто не могла предать веру.

Азамат выслушал меня. И сказал, что я не обязана становиться мусульманкой. Но если будем проведёт обряд – никах

– то я должна узнать о его вере, поговорить с имамом, и дети мои будут воспитываться как мусульмане.

Я это приняла. Мы с Азаматом действительно ходили вместе к мусульманскому священнику, даже не к простому мулле, к имаму – это, как я поняла, священник рангом выше, руководитель общины. Он хорошо со мной поговорил. Принял мой выбор, всё объяснил.

Мы с Азаматом были счастливы, что всё так разрешилось. Нам разрешили никаях.

Вот только...

В итоге никакого никаха не было.

И теперь я жена Азамата только по светским законам. И как я поняла, тут, в республике – это почти ничего не значит.

Господи... помоги мне!

Булат сказал, что жизнь Азамата может быть под угрозой. Как?

Почему?

Неужели он готов избавиться от сына, чтобы...

Чтобы что?

Просто убрать неугодную невестку?

Я знаю, что тут в ходу договорные браки.

Кланы, семьи – те, кто руководят ими мечтают породниться с теми, с кем выгодно. Особенно, если жених – будущий глава клана, как Азамат.

Нет, Азамат не будущий. Он уже глава!

Глава своего клана.

Тот, кто построил свой бизнес сам.

Его отец ему только палки в колёса вставлял. И сейчас...

Что он пытается сделать сейчас? Добить?

Мне страшно.

Очень страшно.

Если бы речь шла о моей жизни, наверное, не было бы так страшно.

Это был бы мой выбор. Личный выбор.

Я не могу выбирать жизнь Азамата.

Ночь прошла почти без сна.

Сижу на кушетке, закрыв глаза.

Они еще болят.

Еще немного печёт.

Утром приходили врачи, смотрели. Меня можно отпустить домой. Они дали рекомендации и лекарства.

Азамат должен приехать.

Мне страшно. Очень страшно.

Телефон звонит. Это Дарина.

Отвечаю, потому что вчера не могла это сделать, а пропущенных вызовов – миллион.

- Сестра, что случилось? Что с тобой стряслось? Азамат мне сказал – несчастный случай, что-то попало в глаз? Что? Как это могло произойти? Я немедленно вылетаю к тебе!

- Нет. Дарина. Подожди...

Сглатываю, пытаюсь унять дрожь.

Я не хочу, чтобы сестра прилетала сюда.

Я... я боюсь за неё.

- Дарина, всё... всё уже в порядке, просто...

- Не ври мне, Никуш... Просто не ври...

Слёзы сами текут, я не могу их остановить, всхлипываю.

- Ника, ты плачешь? Почему ты плачешь? Что случилось?

Я уже в аэропорту, самолёт через час.

- Нет! – я ору в трубку, срывающимся голосом повторяю,

- Нет, пожалуйста! Отмени всё, не прилетай.

- Ты с ума сошла? Что там происходит? Я приеду, я же там всех поубиваю за тебя!

Поубиваю...

Она говорит это, а у меня перед глазами холодный, циничный Булат Гамзатов.

И его слова.

Жизнь.

Смерть.

То, что он поставил на кон.

Жизнь моего любимого.

Моих любимых.

И смерть...

- Дарина, пожалуйста, не прилетай. Я очень тебя прошу!

Мне страшно. Я не хочу, чтобы тебя...

Дверь открывается. Я смотрю и сквозь пелену слёз вижу его.

Азамата.

Глава 18

- Ника...

Вся дрожу. Дрожу...

Наша сказка рассыпается на глазах.

Или просто я такая трусиха?

Я же знаю, что Азамат сильный. Что он готов бороться за меня, за нас.

Я это знаю.

Но...

Жизнь. Его жизнь.

Я не готова поставить на кон его жизнь.

Он так смотрит!

А я... я протягиваю руки.

Хочу к нему, хочу быть его.

- Ника... маленькая моя.

Азамат подходит быстрым шагом, садится рядом, обнимает.

- Ника... моя нежная... Любимая...

Всхлипываю.

В эту секунду ощущаю силу. Нашу силу.

Мы будем вместе! Что бы ни случилось. Мы будем вдвоём. Мы всё преодолеем.

Я в это верю!

Стискиваю его шею, утыкаюсь, вдыхая аромат, такой лю-

бимый, родной.

Только им могу дышать.

Только с ним жить.

- Ника, как ты? Как себя чувствуешь? – он говорит тихо, но почему-то в его словах какая-то затаённая боль.

Или... страх?

Но... чего он может бояться?

Знает, что отец был у меня? Знает, или нет?

И что будет, если я расскажу? Что будет?

Я не могу промолчать. Не должна. Мне страшно, но я не должна.

- Азамат...

- Он приходил к тебе? – голос мужа звучит глухо, но твёрдо. И я понимаю – не смогу солгать. Да и смысла нет.

Киваю. Сердце сжимается.

- Что предлагал?

- Предлагал?

- Деньги?

Азамат сжимает челюсти. Я это чувствую. Слышу, как сильно смыкаются его зубы, до скрипа.

- Ника... я молю тебя, не бойся его! Не бойся! Ничего он тебе не сделает! Он просто... просто старый шакал. Оборзевший. Уверенный в собственной безнаказанности. Просто... просто моральный урод. Прошу тебя, не думай. Он тебя не достанет. У тебя будет охрана, слышишь? Постоянно. И потом... мы скоро уедем в Москву. Там... там он точно не смо-

жет тебя достать, руки у него короткие.

- В Москву? Ты... ты говорил, что весь бизнес у тебя тут?

- Не весь. Да, большая часть, но... у меня управляющие, потом, бизнес можно продать. Ничего, от меня не убудет, заработаем еще, благо, есть с кем работать, как, есть возможность развиваться. Так что... Умоляю, не бойся. Ничего он тебе не сделает.

- Он... он не говорил, что сделает что-то мне.

- Да? А что говорил?

- Он угрожал тебе. – эти слова я произношу совсем тихо.

Едва слышно.

Но Азамат слышит.

Отстраняется.

Смотрит мне в глаза.

Они у меня еще красные, воспалённые. И кожу еще печёт.

Не представляю, как я выгляжу. Надеюсь, не слишком ужасно.

- Ника...

- Он сказал, что твоя жизнь...

- Не слушай его, - Азамат перебивает меня, дышит тяжело.

Смотрит пристально.

- Просто не слушай и всё. Он... он никто для меня, понимаешь? Он никто. И пусть только попробует...

- Я боюсь за тебя. Я не хочу тебя потерять.

- Ты меня не потеряешь, любимая. Я обещаю. Аллахом клянусь, не потеряешь.

Он берёт мои ладони. Целует их.

Потом целует мои щёки, виски, лоб... Наконец, прикасается к моим губам.

Очень осторожно.

Очень трепетно.

Нежно.

Сначала.

Потом его движения стали очень жёсткими, жадными, какими-то рваными и нервными, словно... словно он боялся меня потерять.

Боялся.

И ведь у него был повод бояться за меня!

- Азамат...

- Прости, милая, прости, я с катушек слетел, я...

- Всё хорошо, мне хорошо, просто... я... я на самом деле, я боюсь за тебя.

- Прошу тебя, не нужно. Не нужно ничего бояться. Всё будет хорошо. И... мы с тобой уходим отсюда. Тебя отпускают, я узнавал. Доктор скажет, что делать. И мы едем домой, да?

- Да...

Жмусь к нему, не хочу, чтобы отпускал.

Он словно соломинка утопающего для меня. Это я – утопающий. Тону в собственных эмоциях и страхах.

Может, на самом деле, зря?

Может, этот Булат Гамзатов просто немного сумасшедший? Или решил, что на дурочку напал? Запугает, застра-

щает, закошмарит, и я побегу домой роняя тапки?

Мне на самом деле страшно.

Я понимаю, что здесь немного другие законы. Даже не те, которые были в девяностые в России, в Москве. Да, что девяностые? Моих родителей, получается, убили уже в этом веке, не так давно. Сестру искалечили. И никто не наказан. Беспредел.

Беспредел есть везде.

Но на него, всё-таки, тоже есть управа. Просто не нужно бояться. Надо бороться.

За смерть мамы и папы, за сестру бороться было некому.

Двоюродная бабушка, на которую свалились ребёнок и инвалид? Она думала только о том, как нас разместить, да как накормить, да как сделать так, чтобы мы в этой ситуации остались людьми нормальными.

Бабуля наша молодец.

И сестра молодчина – выстояла.

Но... это было выживание. Просто выживание.

Не борьба.

Сейчас бы я поборолась.

И я готова.

Азамат хочет взять меня на руки.

- Погоди, куда?

- Поедем?

- На мне больничная одежда, как я поеду в этом?

- Чёрт, прости, я... я же принёс тебе вещи, переоденься.

- Хорошо. Спасибо. Я... я пойду в ванную комнату.
- Зачем? – он так искренне удивлён.
- Умоюсь и... прости, я еще немного стесняюсь.

Он качает головой, улыбаясь.

- Извини, малышка, я всё понимаю. Иди.

В палате есть небольшая, отлично оборудованная душевая. Азамат принёс мне даже гигиенические салфетки и зубной набор – щетку и пасту – такие дают в отелях.

Чищу зубы, оглядываю то, во что меня обрядили в клинике.

Интересно, где моё свадебное платье?

Душ принимать не хочется, лучше я это сделаю уже дома.

Снимаю рубашку, оставаясь в трусиках, скидываю их и чувствую, что дверь приоткрывается.

- Азамат...

Он смотрит. Смотрит жадно, делает шаг, закрывая дверь, сгребает меня в объятия.

- Не отдам тебя ему. Тебя – нет!

Он так это говорит...

На меня на мгновение обрушивается какое-то понимание.

- Меня – нет? Значит... значит, кого-то ты уже отдавал?

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.